

Серия «19 век Люттоли»

<https://www.litres.ru/luttoli/> - продажа книг Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт Люттоли

<https://www.bormotulka.ru> - сценарный сайт Люттоли

<https://t.me/luttoli> - Телеграм Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер Люттоли

<https://vk.com/lutoli> - Вконтакте Люттоли

<https://money.yandex.ru/to/41001851135760> - Для переводов любых сумм начиная от 20 рублей . В случае если вы скачали одну из моих книг бесплатно и теперь вас мучает совесть .

Петербургские сумерки

Первая часть: «Морда Принцешная»

Пролог от Автора

Я ни в какой части не пытаюсь претендовать на историческую точность, но в полной мере собираюсь отразить те далёкие события.

Сначала немного нужной информации для понимания причин, побудивших к написанию этого романа.

Я усиленно изучал криминальную среду и знаменитых преступников Англии девятнадцатого века для своей серии английских романов. Она мне казалась наиболее интригующей. Но ровно до того момента пока случай не открыл мне глаза на события той же эпохи в другой части света, перед которыми блекли все мыслимые и немыслимые преступления. Даже такой персонаж как Джек-Потрошитель показался вполне безобидным существом на фоне того, что происходило в Санкт-Петербурге во второй половине девятнадцатого века.

Сначала я просто не поверил. Поэтому перепроверил сведения из разных источников. В той или иной части многое подтвердилось.

Попробую очень коротко передать свои впечатления:

Начало второй половины девятнадцатого года. В Санкт-Петербурге, с населением меньше одного миллиона человек, явно и не явно орудуют более пятидесяти тысяч преступников. Все они разделены на иерархические группы в системе

криминального общества столицы: от мелких воришек, которые тащат хлеб, муку и прочие припасы, до карманников, мошенников, грабителей, нескольких разновидностей душегубов, которые убивают ради того, чтобы стащить сапоги или получить полтину на выпивку. Возникают целые поселения с убийцами. Скупкой краденным занимаются даже чайные и кондитерские.

Преступные воротила, промышляющие торговлей наркотиками и контролирующие несколько тысяч проституток. И, как минимум, четыре крупные организованные бандитские группировки. Это далеко не полный перечень преступного сообщества. На мой взгляд, ни до, ни после, нигде и никогда не создавалась такого масштаба криминальная среда. Первая книга – лишь предисловие. Я хочу показать, как всё начиналось в нашей истории.

Текст авторский без правок. Как и всегда. За любые ошибки заранее прошу прощения.

Глава 1

Вторник. Шестое декабря 1870 года. Санкт-Петербург. Сенная площадь.

Ранним утром шестого декабря на Сенной площади раздались истошные вопли:

– Караул! Караул! Душегубство!

Следом раздался пронзительный свисток. Откуда-то издали отозвались схожие по звуку свистки. По прошествии небольшого времени прибежал первый жандарм. А следом и второй не замедлил появиться. Оба, как и положено, в шинелях с погонями, тёплых сапогах и фуражках. Фуражки пришлось снять по причине уважения к покойнице.

Прямо на земле лежала голая девушка лет двадцати или чуток больше с запорошенным снегом лицом. Волосы, отчасти тоже в снегу, разметались вокруг головы. Один глаз был широко открыт. Второй вывалился из глазницы и висел на жилах. Руки, сжатые в кулачки, лежали вдоль тела. Ноги были широко раскинуты в разные стороны и согнуты в коленях. Над телом стоял дворник в фартуке и с метлой. Чуть поодаль, у дверей церкви Спаса на Сенной непрерывно крестился батюшка.

Именно дворник обнаружил мёртвое тело. Не меньше полсотни народа видели его и раньше, но ни один не удосужился обеспокоиться. В то утро, на площадь привезли для торговли сено и дрова. Кроме того, прибыли телеги, гружённые свежим мясом курицы, гуся, индейки и поросся. Муки привезли, молочка, круп да рыбы. Мужчины в тулупах подводили лошадей под уздцы к торговым рядам. А женщины в душегрейках неторопко раскладывали свои товары на прилавках. Глядя на всю эту неторопливую возню, создавалось впечатление, что они попросту не замечают покойницу под самым своим носом.

Один из жандармов, унтер-офицер полиции Авдейкин, надел фуражку и зычным голосом обратился к торговой публике.

– Видал кто, как погубили молодуху?

Повсюду тишина. Ни голоса. Ни даже взгляда в сторону жандармов. Так они и не ожидали услышать свидетеля! Убийства здесь происходили столь часто, что на них попросту перестали обращать внимание. Если кто и видел, что случилось, так дожидаться от таких помощи представлялось задачей невыполнимой.

– Чего делать? Оставим здесь иль как? – спросил второй жандарм.

– Спешу в Съезжий дом на Второй Адмиралтейской. Там сыскная полиция теперечи. Велели любое душегубство ихнему начальству Крамилину сообщать.

– С версту идти!?

– Положено!

Второй жандарм, придерживая рукой фуражку, чтобы не сдуло ветром, побежал выполнять приказ. Авдейкин устремил взгляд полный надежды на дворника. Тот отрицательно покачал головой.

– Чего удумал?! Сам за ней гляди. У меня дел с Николаеву гору.

Дворник ушёл. А вот Авдейкин, делать нечего, остался. Мороз стоял нешуточный, оттого и пришлось прохаживаться, одновременно наблюдая, чтобы никто и близко не подошёл к следам душегубства. Забота излишняя. Вокруг не помышляли даже беспокойством.

Все и каждый продолжали заниматься своим делом, не обращая на происходящее ни малейшего внимания. А вот Батюшка подошёл и озадачил отпеванием.

– Душа заблудшая! Но отпеть надобно. Негоже вот так оставлять!

Авдейкин отрицательно покачал головой.

– Не положено! Начальство должно прибыть!

- Так я в церкви буду! Кликнешь коли что?

- А то, как же! - пообещал Авдейкин.

Час спустя на двуколке прибыл начальник недавно сформированного сыскного агентства Пётр Андреевич Крамилин. Вместе с ним прибыл обер-офицер полиции по особым поручениям капитан Соколов. А следом подъехала и телега. И там, и там, на козлах сидели жандармы. Одновременно начали появляться первые покупатели. Завидев тело, они с ужасом шарахались в сторону, но чуть позже уже торговались за курочку или поросёнка без всякого внимания на убиенную.

Крамилину минуло пятьдесят годков. Он по праву считался одним из самых опытных сыщиков в городе. Последние два десятилетия гонялся и успешно ловил всякого рода «непопулярную публику» как любил говаривать он сам. Это был человек с добродушным лицом и густой бородой. Особенно пышно борода росла у висков. Одет он был в тёплое чёрное пальто, шапку и сапоги. На руках перчатки. Ещё он носил очки, и протирал их так часто, как только мог. Однако без особой надобности.

Крамилин с Соколовым подошли к Авдейкину. Тот вытянулся в струнку и козырнул.

- Что известно?

- Так ничего. Ваше благородье ждали!

- Видел кто, что случилось?

Авдейкин развёл руками.

- Понятно! Что скажете, Пал Палыч? - обратился Крамилин к своему спутнику.

Тот даже думать не стал. Только рукой махнул.

- Ещё одна продажная девка! Решила подзаработать, и нарвалась.

- Поза действительно располагает к таким выводам, - согласился Крамилин. - Создаётся впечатление, что она сама легла и сама раздвинула ноги, - Крамилин встал на одно колено, и стал стряхивать перчаткой снег с тела. Затем очень внимательно осмотрел тело.

- Никакой продажностью здесь и не пахнет. Скорее всего, девственницей была и нарвалась на двух или более Гайменников. Только эти на беспричинные зверства способны. Ограбили, насилие свершили, глаз вырвали, а потом убили. Крамилин поманил двух жандармов прибывших с телегой, и приказал увезти тело в больницу.

- Передайте Антонову, чтоб как следует её осмотрел! - добавил он.

Как только тело унесли, Крамилин повелел Авдейкину родственников привести при необходимости.

– Если кто обратится насчёт пропажи девушка от восемнадцати до двадцати пяти лет, немедленно дайте знать.

– Слушаюсь, ваше благородь! – Авдейкин с готовностью вытянулся. Крамилин же остался, чтобы ответить на вопросы своего коллеги. Тот понять не мог, откуда такие выводы делаются.

– Бёдра слегка смазаны кровью. Очень похоже на потерю девственности. У локтя синяки. Очевидно, что её хватали. Потом, руки, зажатые в кулачки. В том месте, где пальцы касаются ладони остались капли крови. По-видимому, ей было больно. Очень больно. Раз уж так сильно вонзила ногти. Далее, видны по бокам следы ударов с левой и правой стороны. С правой стороны, они гораздо отчётливее. Скорее всего, её били сапогом, когда насильовали в первый раз. А уж во второй раз она не могла оказывать серьёзного сопротивления, поэтому и удары слабее. Думаю, очень скоро к нам придут безутешные родители. Ну, а до той поры, попросил бы озаботиться свидетелями. Ваша левая сторона. Моя правая сторона. Обходим всех торгашников. Может, кто и шепнёт чего по секрету.

Сказано. Сделано.

Крамилин подошёл к прилавку, на котором ровными рядами были разложены аппетитные поросята. Маленький мужичок с густой бородой сразу замахал руками.

– Видать не видывал. Слышать не слыхивал!

– Так я за поросём! – изобразив на лице удивление, ответил Крамилин. Мужик сразу заулыбался и начал расхваливать свой товар. Тот слушал и ждал удобного случая, чтобы разговорить торговца.

– Двадцать копеек дашь, если расскажу, как было? – раздался над ухом шёпот. Крамилин покосился на молодого парнишку в полушубке, который слонялся вокруг него и незаметно кивнул. Тот прошёл мимо него и успел шепнуть.

– Обнимешь как родного, от греха подальше!

Парень прошёл вперед, потом развернулся и направился напрямиком к Крамилину.

– О, дядь Коль?! Ты, что ли? – он потянулся и обнял Крамилина. Тот тоже обнял паренька.

– Жди! Дам знак куда идти!

Парень отстранился и, улыбаясь, вразвалочку двинулся вдоль торговых рядов. Крамилин обернулся и дал знак Соколову. Тот сразу подошёл.

- Есть свидетель! - тихо шепнул Крамилин. - Ждём. - Потом возвысил голос и, указывая на одного из поросят, добавил: - Покупаю!

- Если целковые не потерял?! - раздался чей-то голос. Вокруг Крамилина грянул хохот. Он спохватился и полез в карман. Бумажника на месте не оказалось. Он в ярость пришел, когда сообразил, что его какой-то мальчишка самым наглым образом ограбил. Да ещё при всём народе.

- Сколько с собой денег? - спросил он у Соколова.

- Рубля три!

- Давай!

Крамилин взял деньги и, показывая их всем, закричал:

- Три рубля тому, кто назовёт имя!

Все хорошо понимали о ком речь. Крамилин оглядывал ряд за рядом, пока не заметил рослого мужика. Тот держал под уздцы лошадь и отчётливо показывал себе за спину.

- Стойте здесь! - бросив эти слова Крамилин быстро ушёл.

Через минуту он уже стоял возле стога сена.

- Три рубля! - раздался откуда-то сбоку тихий голос.

- Сначала имя!

- Герцог кличут! Топтун с ым сюды приходят!

- Знаешь, где найти?

- Господь миловал! - раздался в ответ испуганный голос.

Крамилин протянул деньги. Кто-то выхватил их у него из рук. Он вышел и показал рукой Соколову, чтобы присоединился к нему.

- Видел?

- Видел! - Соколов кивнул.

- До чего же ловок чертёнок! - восхитился Крамилин. - Ничего вообще не почувствовал. А ведь сам всех учу, как деньги носить, чтоб Моравихеры не уподобились забрать. Соколов то и дело смеялся, слушая начальника. Они сели в двуколку. И тут откуда-то вынырнул Авдейкин с дворником. Крамилин подозвал к себе Авдейкина.

- Слышал о таком, Герцог кличут?

- А как же?! - самодовольно ответил Авдейкин, - У его морда принцешная..

- Морда принцешная?... Ну да, парень красивый, но вот живёт совсем некрасиво. Знаешь, где найти?

- Так мы его сами второй год ищем, ваше благородь!

- Так не надо искать. Не надо. Он под твоим носом шляется, и порядочных людей грабит.

Последние слова вызвали смех у Соколова. Двуколка тронулась в обратный путь.

Глава 2

Герцог

Тот самый Герцог, столь лихо обокравший Крамилина, сделал несколько кругов, дабы убедиться, нет ли за ним хвоста. Потом вытащил из кармана украденный бумажник и осмотрел содержимое. Всего семнадцать рублей. Он забрал деньги, а пустой бумажник хотел выбросить, но передумал и положил обратно в карман. Сделав небольшой крюк, он юркнул в жёлтое трёхэтажное здание позади гауптвахты с номером «3», между Конным и Спасским переулками.

Весь второй этаж занимал трактир. Именно туда он и направлялся.

Происходящее в трактире могло внушить ужас даже самому смелому человеку. Все столы забиты мужчинами, из числа, мягко говоря, не совсем приятной публики. Угрюмые лица зачастую с хищным взглядом, густой туман под потолком от табачного дыма, водка с закуской на столе, сплошной мат и ругань, переходящий частенько в драки. Относительно спокойными выглядели всего лишь два стола, за которыми играли в карты. За одним из них сидел здоровенный детина с мощной квадратной челюстью и огромными кулачищами. Он первым заметил нового посетителя.

– Герцог! Отец родной! Выручай! Проигрался до последней копейки! – заорал он так громко, что мужик рядом аж в воздух подскочил.

– Кабан! Ты с прошлого раза долг не вернул! – с недовольством обронил Герцог, делая знак официанту. Тот мигом пристроил стул рядом с Кабаном, и побежал готовить кофею. Тут все знали, что Герцог пьёт только кофею.

Спиртное он на дух не выносил.

Герцог вытащил из кармана добытые семнадцать рублей и положил их на стол перед Кабаном.

– Это тебе от главного Свисткового подарочек! Рубль «Подачному» отдашь.

– Врёшь! Не поверю, что самого Крамилина обтёр? – Кабан переводил взгляд с Герцога на деньги. В зависимости от того на что он смотрел, в глазах алчность сменялась удивлением и наоборот.

– Обтёр! Мысль давно была. А вот сегодня получилось.

– Ну, ты... – Кабан даже слов от восхищения подобрать не мог. И поэтому не стал. – Играю дальше! – захохотал он на весь трактир.

– Кофей бразильский!

Официант, или тот самый Подачный, как его именовали некоторые посетители, принёс чашку с клубящимся над ней паром, и благодарствуя Герцога, забрал свой кровный целковый.

Карточная игра закипела с азартом. Герцог, усмехаясь, смотрел, как Кабан снова начал проигрывать. За соседним столом тоже шла игра. А вот дальше намечалась очередная драка. Пятеро стояли вокруг стола. Двое по одну сторону, трое по другую. Чего-то там не поделили. Оттого и смотрели друг на друга волком. Герцог знал всех пятерых. Да, он тут всех знал.

Вскоре, он понял, о чём спор. Те двое требовали продолжить игру в долг, а трое отказывались.

– На стол положи иль сани выноси! – говорил один из тех троих.

– В долг играем! – раздался злой ответ. – Иль ляжете с той паскудиной, что аккурат на площади сегодня уложили.

Ещё немного, и началась бы драка. Но поскольку троица держалась жёстко, эти двое отступили.

– Завтра. В два часа. Играем!

Бросив эти слова оба ушли. Герцог проводил их взглядом, и в этот миг уловил взгляд официанта. Тот поднял голову, указывая на этаж выше, и повёл головой вправо.

Герцог незаметно кивнул. Стараясь не привлекать к себе внимания, вышел, и поднялся по лестнице. Третий этаж целиком занимали публичные дома. Полуобнажённые проститутки так и шныряли по коридору, высматривая посетителей. Заметив Герцога, сразу несколько жриц любви направились к нему. Но тот слегка повёл головой в сторону. Этого хватило, чтобы они не только остановились, но и повернулись к нему спиной. Этот короткий жест означал, что он пришёл не для забавы. Лихие девки безошибочно признали в нём одного из тех парней, с которыми не стоит связываться.

Герцог прошёл до середины коридора и остановился возле полуоткрытой двери. Потом вошёл в узкий коридор и затворил за собой дверь. Справа и слева от двери, на стенах висели одинаковые картины. Он снял со стены ту, что справа. Под ней оказалась квадратная дощечка с ручкой. Взявшись за ручку, он слегка отодвинул её в сторону. В просвете показалась вешалка, на которой висели кастировый пиджак и богатое, подбитое мехом пальто. За ними мелькнуло мужское лицо с неприятной бородавкой на левом виске.

Герцог ещё немного отодвинул дощечку и приложился глазом к просвету. Слева от вешалки, в дальнем углу стояла кровать.

На ней лежала обнажённая девица. А этот с бородавкой стоял рядом с ней.

Герцог бесшумно отодвинул дощечку почти наполовину, просунул в щель руку и начал стремительно обчищать карманы. Бумажник, часы, пачка ассигнаций и даже мелочь, перекочевали в его полушубок.

- Стерва! Грязь! - неожиданно заорал мужик с бородавкой.

- Так я в чём виновата, если у тебя не стоит?!

- Это у меня не стоит?! Это ты не способна доставить удовольствие!

Эти слова были сказаны с такой злостью, что Герцог заподозрил неладное.

Он собирался закрыть дощечку, но рука так и осталась неподвижной, а взгляд неотрывно следил за происходящим.

Мужчина с бородавкой неожиданно согнулся и ударил кулаком по лицу девицы. Потом ещё раз и ещё.

Она закричала и попыталась увернуться. Тогда он схватил одной рукой её за волосы, а второй взял табурет, стоявший возле кровати, и со всей силы ударил им по лицу. Раздался хруст. Лицо мгновенно окрасилось в красный цвет.

Захлёбываясь кровью, она снова сумела закричать, а он снова и снова бил её кулаком. Крики с каждым ударом затихали, переходя в болезненные стоны. Он навалился на неё, продолжая жестоко избивать и волосы вырывать на голове.

- Шлюха! Грязная тварь! - кричал он, врываясь в неё раз за разом мощными толчками и осыпая ударами окровавленное лицо.

- У меня не стоит?! А кто тебя сейчас имеет?! Ты ничто, а я граф Эссен! Я - граф Эссен! - повторял он, снова и снова вторгаясь и одновременно жестоко избивая её. Потом ухватился руками за горло и начал душить.

Герцог не стал ожидать развязки. После такого мало кто вообще выживал. А подобные случаи являлись не редкостью. Он закрыл дощечку и бесшумно вышел в коридор. Все девицы разом отвернулись. И крики они наверняка слышали. И понимали, что происходит рядом с ними. Но никто и пальцем не пошевелил.

Здесь жизнь проститутки не стоила ничего. Даже гроша ломанного. Малейшая ошибка, и они сами могли оказаться в руках «чёрного извозчика». Так называли извозчиков, которые за небольшую плату забирали тела и сбрасывали их на болотах за городом или в каналы, которых имелось множество. И эту несчастную ждала та же участь.

Герцог спустился вниз. Зашёл за прилавок. Его уже ждал официант. Он провёл его в маленькую комнату и затворил дверь. Герцог выложил всё, что украл и разделил на две

ровные части. Одну он оставил на столе, а вторую прихватил с собой.

Глава 3

Разные люди

Дом, в котором жил Герцог, находился недалеко от Сенной площади. Здесь, на осыпавшемся берегу Фонтанки среди множества уродливых по форме деревьев скрывались избы количеством не более двадцати штук. Избы с пристройками, двором, огородом и даже иногда маленьким садом. Жили в основном зажиточные и вполне мирные люди. Это определение в полной мере относилось и к Казарке, хозяйке дома, в котором оставался Герцог. Добрейшая женщина с множеством противоречивых качеств. Ещё с ней жил дед Макар. Герцог иногда использовал его в качестве подручного для своих дел. Они познакомились несколько лет назад. А после сдружились. Казарка смекнула выгоду от нового постояльца, а вскоре и привязалась к нему. Своих-то никого не было в пятьдесят пять лет. И Казарка, и дед Макар беспрекословно выполняли просьбы Герцога. Он же щедро делился с ними награбленным. Не успел Герцог войти в жарко натопленную избу, как появилась низенькая женщина с лоснящимся лицом, оттопыренными по причине полноты ручками и коротенькими ногами по той же причине. Женщина выглядела очень нарядно. В красной щедро наборенной юбке и в ярко-красном плюшевом кафтане. На голове красовалась атласная шаль того же яркого цвета. Это и была Казарка. Она обожала красный цвет, и никогда с ним не расставалась. В любой день, да чтоб без красного?! Считай, занемогла бы от расстройства. Её иногда так и называли «Красная баба».

На столе появился самовар, а следом и круглое блюдо с плюшками и внушительными впечатляющими кусками пышного пирога.

– Если что посерьёзней, скажи. Мяса заготовила, да и прочего немало, – Казарка указала рукой сначала на стол, а потом и себе за спину. – Банька топится. Венички из полыни новые. Сама тебя помою иль девок привести?

– Деда кликни! И писать на чём принеси! – ответил Герцог, выкладывая на стол выручку, добытую в публичном доме.

Казарка исчезла. Через минуту рядом с самоваром появился неровный кусочек бумаги и перо с чернильницей. Минутками несколькими явился и дед Макар. Он был приблизительноного

одного роста с Казаркой. Коротко остриженный с длинной седой бородой и торчавшими к носу усами. Вечный наряд деда – сапоги в гармошку, широкие шаровары, телогрейка и овчинный тулуп.

Герцог написал записку, свернул её и отложил на стол. Потом отсчитал семнадцать рублей ассигнациями, вложил их вместе с запиской в бумажник, снятый у Крамилина.

– Надо передать! – сказал он, протягивая бумажник деду Макару.

Ближе к вечеру Крамилин сидел за столом в маленькой комнатке с единственным окном, покрытым инеем, и просматривал жалобы. Справа от него лежала большая стопка с бумагами. А слева поменьше. Ещё одна, совсем тоненькая, лежала перед ним. Он брал бумагу из правой стопки, просматривал, а потом либо перемещал влево, либо клал перед собой.

В дверь раздался осторожный стук.

– Сучкин! Входи! – не отрывая взгляд от документов, проронил Крамилин.

Дверь приоткрылась. Показалось лощёное лицо полицейского в синем мундире.

– Страшное дело, ваше благородь! – опасливо пробормотал Сучкин. – Тута к вам Сумрачная вдова припёрлась. Ведьма она. Сглазить может. Прогнать аль как?

– Зови, Сучкин, зови! – тяжело вздыхая, ответил Крамилин.

Сучкин везде видел ведьм и сглаз, и потому всякий раз усердно крестился. Тут уж ничего не поделаешь: человек суеверный! А вот про Сумрачную вдову Крамилин не раз слышал. О ней ходили самые мрачные слухи. Вроде как необычайно красоты и всегда в чёрном наряде ходит. А на голове шляпа с вуалью и красным траурным бантом. Этот самый бант по утверждению некоторых людей насылал проклятия. Крамилин почувствовал холодок, когда в комнату вошла гостья. Она в точности соответствовала слухам. Прекрасная и мрачная. Вся в чёрном. И шляпа с красным бантом вместо перьев. На вид ей можно было дать не больше сорока лет. От силы сорок пять.

Крамилин поднялся ей навстречу.

– Графиня Кочергина! – представилась женщина.

– Много слышал о вас, но впервые имею честь! – Крамилин придвинул табурет к столу, а потом, извиняясь, проронил: – Прошу прощения ваше сиятельство, но ничего лучшего здесь нет.

– Я не за удобствами пришла! – раздалось в ответ.

Графиня Кочергина опустилась на табурет.

– Чем имею честь? – приступил к разговору Крамилин, возвращаясь на своё место.

В какой-то миг ему даже стало не по себе от взгляда графини. В глазах промелькнула какая-то зловещая искра.

– Мне нужно ваше слово. Ничто из сказанного не должно покинуть эти стены.

– У вас есть моё слово! – Крамилин наклонил голову.

– Вы слышали, что произошло с моей семьёй?

– Не имею представления!

– Много лет назад их всех убили. Прямо на моих глазах. А меня жестоко избили, ... обесчестили и бросили умирать в болоте.

В памяти Крамилина забрезжило что-то знакомое. Он уже слышал эту историю. Но от кого...?

– Убийство на Невском! – подсказала графиня Кочергина.

– Верно! – воскликнул Крамилин. – Тогда были убиты восемь человек. Но это убийство произошло очень давно. Меня тогда вообще здесь не было. Я позже приехал.

– Семь! – поправила графиня Кочергина. – Я выжила!

– Вспомнил. Убийцы зашли в дом и всех перебили...прошу прощения, ваше сиятельство.

– Меня они забрали с собой еле живой. Остальных членов семьи тоже забрали...когда убили, и закопали где-то там же в болотах возле Горячего поля.

– Чего вы ждёте от меня? – прямо спросил Крамилин.

– Вас рекомендовали, как человека, способного сотворить даже маленькое чудо. Последние двадцать лет я безуспешно искала убийц. Чтобы узнать, где захоронены останки моей семьи, и наказать их. Ничего не изменилось. Если вы сумеете мне помочь с поисками, я заплачу вам за десять лет жалованья вперёд.

– Щедрое предложение. Очень щедрое! – вынужден был признать Крамилин. – Но я бы оказал содействие вашему сиятельству в любом случае!

– Так окажите, сударь! И не беспокойтесь о деньгах. У меня их достаточно. – Графиня Кочергина поднялась. Крамилин тоже встал и пошёл открывать дверь. – Я живу в нашем фамильном поместье. Вы можете отправить сообщение туда. Или в наш дом на Невском. Я соержу его, но никогда там не бываю. Крамилин поклоном проводил её уход.

– Вот тебе и «Сумрачная вдова» – с откровенным сочувствием пробормотал он, закрывая дверь. – О ней невесть какие слухи распускают, а тут ужаснейшую трагедию пережила...жаль, очень жаль... Посмотрим, чем можно помочь.

Только он вернулся на место, как повторился осторожный стук в дверь.

– Да уж заходи, Сучкин! – раздражённо бросил Крамилин. Снова показалось блестящее потное лицо, и опасливый голос доложил:

– Пакет принесли, ваше благородь!

– Какой пакет? С заклинаниями?

– Избави Бог! – Сучкин трижды перекрестился.

– Так чего ж ты стоишь?! Неси! – прикрикнул на него Крамилин.

Сучкин исчез. Через считанные минуты на стол Крамилина лёг тот самый пакет. Он некоторое время рассматривал то, что перед ним находилось. А это была...обыкновенная и довольно неприятная на вид портянка, перевязанная крест-накрест тонкой верёвкой.

– Эка страсти, – пробормотал Крамилин и без раздумий развязал верёвку, а потом и размотал портянку. Увидев, что находится внутри, сначала глазам не поверил. Это был его собственный бумажник.

– Неужто и деньги вернул?! – он открыл бумажник и сразу же издал изумлённый вздох. Деньги действительно лежали на месте. – Экая щедрость от вора...с чего вдруг? Или денег не доложил? Или взятку предлагает?

Он вытащил деньги. Вместе с ними выпала и бумага. «Послание для меня», – понял Крамилин. В записке сообщалось:

– Не должен тебе, Свистковый. А вот с тебя причитается. Получу при случае. Женщину на Сенной сегодня утречком убили братья Петровские. Точно. Будут завтра в два часа в трактире на Сенной Малине, позади Съезжатника. Через чердак побегут, если что, а оттуда вниз и в Мелочную лавку. Там комнатка за наваленными мешочками есть. А оттуда сразу на Горячее Поле подадутся. Не упusti их, Свистковый.

– Да этому чертёнку цены нет! – изумлённо выдохнул Крамилин.

То, что информация могла оказаться ложной, он даже мысли не допускал. Зачем тогда возвращать бумажник? Зачем указывать на преступников? Как сыщик, он не мог не осознавать ценность столь важного осведомителя.

«Вот бы с ним связь наладить?! – загорелся Крамилин. – Ой, как хорошо дела бы пошли...».

Глава 4

Белозёровы

Вечер шестого декабря 1870 года отметился ещё одним очень важным событием. Речь о помолвке Катерины Белозёровой с графом Эссеном. После долгих месяцев ухаживаний, одна из самых очаровательных и неприметных представительниц Петербургского света дала своё согласие на брак, уступив не столько очарованию графа, сколь требованиям строгого родителя. Капитолий Белозёров пребывал в настойчивости относительно благожелательного отношения к сватовству. Да и маменька, Софья Белозёрова с сёстрами, немало поспособствовали принятию решения. И понять их можно. Жених отличался не только родовитостью, но и немалым богатством. Катерина, хотя и одолеваемая сомнениями – уступила. Не принимая во внимание разницы в возрасте, равнявшейся двадцати годам с хвостиком, невыразительной внешности с мерзкой на вид бородавкой на лице, жениху были присущи ещё и два неприятных ей качества: чванливость и чопорность. Теми же качествами обладал родитель, и считал их неотъемлемой чертой любого мужского представителя высшего общества. Оттого и нашло в нём отклик сватовство. Они с первого дня сдружились с графом. После чего тот стал завсегдатаем в доме Белозёровых.

Катерина же не выносила эти качества. Ей нравились простота, лёгкость общения, искренность, даже если бы выражалась в грубой, не слишком учливой форме. Она всегда завидовала старшей сестре Ольге. Та обладала весьма решительным нравом, и вполне могла, не стесняясь, высказать своё недовольство в присутствии супруга или тех же папеньки с маменькой. Сама она никогда бы не осмелилась на подобный экскурс. Свои мысли и чаяния Катерина выражала, делая пометки на страницах любимых книг. Только с ними она жила, с ними она и мечтала. Жених стал самой важной частью её жизни, но ни в душе, ни в сердце для него и малого места не нашлось.

Даже в день своей помолвки, Катерина писала на страницах последнего из полюбившихся её романов под названием «Большие надежды». «Возможно ли представить человека со столь пламенным сердцем, идущего на любые жертвы и готового всю жизнь следовать за своей возлюбленной?! Я о таких и не слыхивала. Но будь он трижды кузнец, будь он кем угодно,...с тройною клятвою бы приняла...».

Катерина страдала, переживала, но именно таковыми являлись браки в обществе, оттого и приняла свою участь с молчаливой покорностью.

Прежде чем мы расскажем о самой помолвке, несколько слов о семье Белозёровых.

Глава семьи, Капитолий Андреевич Белозёров, являлся потомком боковой ветви графов Кочергиных, что свидетельствовало о родовитости. Недостаточной для представления царственным особам, но вполне приемлемой для принятия в любой иной дворянской семье. Кроме благородных корней, Капитолий Андреевич сумел значительно увеличить состояние, оставленное ему отцом, занимаясь торговлей чаем и кофе. Нужда в них с каждым годом росла. А вместе с ней рос спрос на оные товары и доходы семьи. Что в конечном итоге и позволило с удобством расположиться в трёхэтажном особняке на Набережной реки Мойки в Адмиралтейской части Санкт-Петербурга.

В свои пятьдесят три года он оставался деятельным человеком и примерным отцом семейства.

Старшая дочь Ольга, когда ей минуло восемнадцать, была отдана в семью Маевских весьма родовитую и обеспеченную. Её супругом стал Фредерик Маевский. Он всего лишь на четырнадцать лет был её старше.

Вторую по старшинству дочь Анастасию выдали замуж через год, когда и ей исполнилось восемнадцать. Она стала супругой Анатолия Дубровина, чья семья владела ювелирными мастерскими, и была не столь родовитой как Белозёровы, но столь же богатой. Супруг на восемь лет был старше, и обладал рядом поистине выдающих качеств, среди которых терпение являлось наиболее заметным.

Ещё через год, аккурат в сегодняшний день шестого декабря, должна была состояться помолвка третьей дочери Катерины. Её брак обещал оказаться самым удачным. Ведь жених носил титул графа, был старше неё, но всё ещё молод, недурен собой и обладал просто неприличным состоянием, что в обозримом будущем могло проложить путь ко двору.

Младшенькая, Маша, собиралась замуж лишь на следующий год. Сестры были погодками. Сначала в семье появилась Ольга. Через год Анастасия. Ещё через год Катерина. А затем и Маша. Сёстры всегда были дружны и души не чаяли друг в друге. Связь только усилилась после замужества старших сестёр. Они приезжали к родителям так часто, как только могли. Супруги поощряли подобные визиты, поскольку были людьми занятыми. Сёстры продолжали проводить время вместе, как и во времена девичества Ольги и Анастасии.

И несколько слов о Софье Белозёровой, достойной супруге и заботливой матери, произведшей на свет четырёх прекрасных дочерей. Каждая из них пошла в мать: такая же статная,

белолицая с голубыми глазами и русыми волосами. Именно красота в своё время покорила Белозёрова. Красавица с русской косой сразила его наповал, иначе он никогда бы не женился на дочери купца. Кстати будет упомянуть, что именно тесть помог ему добраться до вершин, на которых он обитал сегодня. У родителя супруги не имелось мало-мальски значимых корней среди предков, но определённо хранилась золотая кубышка, не раз выручавшая в трудных обстоятельствах. Софья Васильевна Белозёрова обладала удивительно мягким нравом, что позволяло всегда и с должным уважением относиться к упрёкам супруга, часто несправедливым и обидным. Ей минуло сорок лет, но она оставалась столь же очаровательной, года не тронули её. В отличие от супруга, успевшего обзавестись солидным брюшком и очками.

Трёхэтажный особняк с двенадцатью комнатами и собственным двором с конюшнным сараем обслуживали восемь слуг. Среди них три горничные, двое слуг мужского пола, кои всегда пребывали в ливреях, повар, дворник, которому надлежало держать в чистоте и порядке весь двор, и следить за тем, чтоб с него не проникли в дом лихие люди. В среднем каждый из слуг получали чуть менее тридцати рублей в месяц, но стол и одежда в оклад не входили. Иными словами говоря, Белозёровы жили, как и большинство представителей высшего общества: красивый дом, большая прислуга и достойный выезд в город. Для последнего имелись четыре лошади, карета и сани. При них всегда находился кучер.

Сёстры играют важную роль в нашей истории, поэтому мы ещё ненадолго задержим внимание читателя. И обратимся мы к Ольге. Первенец семьи являлась и главной заводилой среди сестёр. Она обладала решительностью, упорством и старалась всегда ставить во главу вопроса своё собственное мнение. Сильный характер порой приводил к неприятным ссорам с супругом. Но Фредерик Маевский обожал супругу, оттого и не противился остаться в проигрыше. Стоило Ольге обиженно надуть губки, как все доводы переставали действовать, и он бросался к её ногам, взывая о прощении.

Что же касается Анастасии, она не обладала столь же решительным нравом, но супруг оказался куда более покладистым человеком, нежели Маевский, оттого и положение в семье создалось отчасти похожее. Обе сестры достаточно прочно занимали первенство в браке, и пророчили ещё больший успех Катерине. Ведь её будущий муж был известен поистине ангельским нравом. Беседовать с ним всегда означало удовольствие. Граф Эссен неизменно был вежлив, любезен, и

позволял любую вольность в своём присутствии, что особенно ценилось сёстрами.

Что же касается нрава Катерины, с рождения она страдала излишней скромностью, что являлось ни чем иным как стремлением к одиночеству. Ей тяжело давались любые новые знакомства. Катерина прекрасно владела речью, но часто сбивалась под мужскими взглядами, в особенности, если чувствовала к себе внимание. Оттого, порой, и выглядела неуклюже. Она была очень ранима, и остро воспринимала даже малейший упрёк в свой адрес. Стоило матушке разгневаться, как тут же длинные ресницы взлетали вверх, брови сдвигались к переносице, а в прекрасных глазках появлялись слёзы. А батюшке речь и вовсе не шла. Ибо стоило ему повысить голос, как она замирала, а тело охватывал холодный ужас. В городе старалась появляться как можно реже. Любимое занятие – делать пометки на страницах, отмечая достоинства и недостатки главных действующих лиц очередного романа. Все её книги были исписаны мелким почерком. Тихая, чувственная мечтательница, далёкая от людской суеты, и оттого особенно уязвимая.

Одно дело мечтать, делать пометки на страницах, другое дело оказаться лицом к лицу с неприглядной правдой. И, конечно же, всегда в таких случаях мечты уходили прочь, даже не помыслив сопротивляться.

Маша, младшенькая, отличалась весёлым нравом и свободой выражений, что нередко приводило к наказанию со стороны матушки. Ей запрещали покидать комнату до той поры, пока она не заучит и не перескажет выраженные чуть ранее мысли в форме, приемлемой для благовоспитанной девицы. Стоит упомянуть ещё об одной важной женщине, имеющей отношение к семейству, вдовствующей графине Кочергиной. Той самой, что беседовала с Крамилиным. По мнению главы семейства Белозёровых и по совместительству дальнего родственника, в свои сорок с небольшим лет, она вполне могла затмить некоторых представителей весьма известных семей. И не только могла, но и обладала возможностью наглядно продемонстрировать своё превосходство, имея доступ ко двору. Но ни красота, ни высокое положение, не могли повлиять на тот уединённый образ жизни, который она вела. Такое положение дел не могли не огорчать Белозёрова. Ведь Графиня Кочергина имела возможность исполнить его давнюю мечту, и представить семейство ко двору. Ещё более огорчали его дурные разговоры. О ней в Петербурге ходили всевозможные слухи, один ужаснее другого. Её боялись. Её сторонились. И тому имелись косвенные причины. Графиня

Кочергина всегда появлялась неожиданно, и всегда в мрачных чёрных нарядах. А чёрная шляпка с траурным бантом вместо перьев давно стала притчей во языцех. Ходили слухи, что в шляпке заключено страшное заклинание, способное убить любого, кто осмелится с ней заговорить.

И эти слухи возымели своё действие. Белозёровы стали побиваться её не меньше остальных. И всякий раз испытывали ужас, когда она появлялась. Обстоятельства осложнялись тем, что она являлась крёстной матерью Катерины, и потому навещала её изредка.

Вот коротко и всё о семье Белозёровых. А теперь наступила пора узнать, как же проходил вечер помолвки в доме Белозёровых.

Глава 5

Помолвка

Безветренно. Небольшой мороз. Ночная Мойка покрыта льдом и укутана лёгким снежным покровом с маленькими сугробами по форме напоминающую набегающую волну. Несколько мужчин и женщин катаются на коньках. Они смеются, даже когда падают. За балюстрадой набережная с протоптанными пешеходными тропинками. За дорожкой заснеженная дорога со следами от каретных колёс. На стыке между тропинками и дорогой, через определённые расстояния возвышаются чугунные столбы с газовым освещением. Оттого так светло вокруг.

За дорогой другие протоптанные тропинки. Но теперь они тянутся не вдоль балюстрады, а вдоль стен величественных трёхэтажных особняков с изысканной лепниной на фасадах. Особенно выделяется среди них один мягкого, голубоватого цвета с маленькими ангелочками, которые по замыслу архитектора должны поддерживать козырёк парадного главного входа, выходящего на набережную Мойки. На первом этаже окна только возле парадной двери. Но они есть на втором и третьем этажах. И ярко отсвечивают даже через покрытое инеем стекло. Барельеф и каменные подоконники местами запорошены снегом.

Остаётся упомянуть о четырёх каретах возле парадного входа с кучерами и трёх двуколках, что стояли чуть поодаль с потушенными фонарями, ожидая того самого долгожданного окрика: «Извозчик!»

Что же происходило в самом особняке?! Давайте войдём в вестибюль, минуем слугу в ливрее, поднимемся по лестнице,

устланной мягкими коврами, и пройдем в праздничный зал, где происходили все события.

Всего три десятка гостей или чуть более. Мужчины большей частью во фраках темного цвета, женщины в самых разнообразных шелковых, муаровых, атласных нарядах и самых разных оттенков, однако же схожие между собой формой, необычайно модной этой зимой в столице. Узкие в талии, и далее расширяясь пышным колоколом благодаря корсету, ниспадают до самых щиколоток. Видны лишь носочки туфель. Рукава короткие с оборками на плечах или длинные с кружевным запястьем. Вырез на груди глубокий. Эта деталь верхней части платья вошла в моду недавно и поддерживалась в равной степени женщинами самых разных возрастов. Неизменным атрибутом являлись веер и миниатюрная расшитая жемчугом и шелком сумочка на изящной золотой цепочке, висевшая на запястье.

Для дам накрыли отдельный стол, куда подавались фруктовые напитки, чай, преимущественно китайский, и кофей, преимущественно бразильский. Немецкие и французские конфеты в красочной обертке, сладости в виде румяной выпечки, а так же изюминка десерта – большой Петербургский торт, от которого каждый желающий мог отрезать себе кусочек. При этом, чем тоньше выглядел отрезанный ломоть, тем скромнее считалась дама. Мужчин это правило не касалось. Они могли себе позволить десертную трапезу вместе с дамами.

А вот дамы были лишены такой же возможности в отношении мужчин. В противоположном углу был накрыт ещё один стол. И там имелся ликёр с винцом. А так же приличествующая к ним закуска. Отдельно лежала коробочка с ароматным табачком и спички.

В то время, пока дамы обсуждали городские сплетни за чашкой чая, мужчины занимались...тем же самым, но только за бокалом вина или рюмочкой ликёра. Дамы сидели на стульях. Мужчины же вынуждены были стоять, ибо сидеть в присутствии дам считалось делом неприличным. Но разговор у них, безусловно, был куда важнее, поскольку пересуды касались публики не столь приятной для высшего общества. Именно это и происходило сейчас. Речь вёл Белозёров. А слушателями являлись действующие зятья Маевский с Дубровиным, будущий – граф Эссе, прибывший на торжество в блестящем чёрном фраке и почему-то пурпурной кружевной рубашке с облегающим шею воротником на золотой булавке. Ещё были Стопин с Легкорожевым, партнёры, с которым у Белозёрова имелись общие финансовые интересы. Но давайте послушаем, о чём возвещал хозяин дома с крайне возмущённым видом.

- Доколе?! Доколе безобразие оное твориться будет в городе? Порядочным людям из дома выйти невозможно. А господин Полицмейстер словно и не замечает оборванцев, толпами снующих по улицам, и готовых обворовать любого среди бела дня.

- Шваль! И её следует немедленно вынести из города! - поддержал его граф Эссен. - Негоже нам с ними по одной улице ходить.

- Вот! - Белозёров с гордостью лёгким жестом руки указал на будущего зятя. - Именно об этом и шла речь у Полицмейстера. Но он наотрез отказывается выполнять свои обязанности, оправдываясь высокими словами о милосердии, снисхождении и сочувствии. Господа! О каком сочувствии может идти речь, если вас пытаются ограбить?! В таких случаях уместен лишь кнут! - с пафосом изрек Белозёров.

- Не от хорошей жизни, батюшка! Не от хорошей жизни! - подал голос Дубровин, слышавший мягкосердечным человеком. - Иной раз и крошки хлеба не хватает. Чего ж им делать, несчастным?

- Пусть работать идут! Пусть честно трудятся! - ответил на это Белозёров. - Воровство ничем нельзя оправдать. Разговор вынуждены были прекратить, поскольку в зале появилась невеста в сопровождении трёх своих сестёр. Дивный овал лица обрамляли русые локоны, а вырез платья был украшен живыми цветами. Катерина явилась в белоснежном платье. А вот сёстры нарядились в голубое, салатное и бордовое платья, чтобы подчеркнуть одеяние невесты. Губы Катерины были слегка приоткрыты, а реснички вздрагивали и взметались вверх каждый раз, когда до неё доносились восторженные отзывы в свой адрес. Взгляд выражал одновременно смущение и некоторую неловкость. Граф Эссен пожирал её глазами вплоть до того времени, пока она не взглянула на него. На лице невесты мелькнула лёгкая тень. Одного этого хватило, чтобы жених на всех парах поспешил к ней. Он произнёс приличествующие случаю слова, отмечая достоинства невесты и выражая благодарность за оказанную честь.

Не будем всего пересказывать, ибо происходящее являлось обыденным на всех подобных событиях. Остановимся лишь на главном. После соблюдения всех формальностей и обмена любезностями, жених надел кольцо на руку невесты, а затем поцеловал обе её руки вместо одной, что считалось небольшой, но вполне допустимой вольностью. Далее Катерина взяла его под руку, и они уже вместе продолжили торжество.

В разгар праздника прибыл Соколов. Он доводился племянником Белозёрову. Правда, приезжал в гости редко по причине загруженности в работе. Он передал слуге шинель с фуражкой и, поправляя мундир, поднялся и присоединился к гостям. Соколов приносил искренние поздравления Катерине и графу Эссену, когда его заметил Белозёров.

– А вот и храбрец, защищающий нас с вами от преступников! – возвестил он во весь голос, привлекая к Соколову всеобщее внимание. Белозёров подошёл, поздоровался с племянником, после чего выразил надежду в скорейшем искоренении «отвратительных нелюдей», как выразился он сам.

Соколов развёл руками.

– Ничего утешительного сообщить не могу! Утром случилось ещё одно убийство. Убили молодую девушку самым бесчеловечным способом, какое только возможно представить. Многие, в основном женщины испытали ужас после таких слов, а вот Белозёров бросил торжествующий взгляд на Дубровина.

– Вот вам и снисходительность! Калёным железом выжигать эту нечисть. А что Крамилин? – поинтересовался Белозёров.

– Самого сегодня ограбили!

– Что вы говорите?! – поразился Белозёров.

Соколов широко заулыбался.

– Прямо на моих глазах. Смотрели на этого паренька в упор, и ничего не поняли. Подошёл, умыкнул у Крамилина бумажник и не торопясь ушёл. Спихнулись, когда уже и след простыл. Крамилин как приехал, всех собрал и приказал: хоть из-под земли его мне достаньте. Злой, как чёрт на него!

Старшая из сестёр – Ольга – слушала с открытым ртом. Её эта история настолько заинтересовала, что она решила задать вопрос.

– Как же так? Не заметили? Я бы и то заметила. А вы сыщики, и прохлопали преступника!?

Многие думали как Ольга. Да, они всегда были невысокого мнения о полиции. Но Соколов только улыбался.

– Так обчистит, что и не поймёте. Увидите красивого паренька лет двадцати, сразу прочь. Иначе вернётесь домой с пустыми карманами.

– Красивого паренька?! – недоумённо переспросил Белозёров.

– Так они же все как один, с выкатанными глазами да свиным рылом.

– Необычайно хорош собой! – повторил Соколов. – Словно благородных кровей. И одет опрятно. Оттого и с такой лёгкостью карманы обчищает. Представить в нём вора невозможно. Мы не смогли понять, хотя всякого успели навидаться, а другие и подавно не смогут.

- Словить сможете? - поинтересовался Белозёров.

- Словим! Обязательно, словим! - пообещал Соколов. На этой обнадёживающей ноте и завершили разговор о преступниках. Как-никак помолвка.

Но у Провидения в этот день имелись свои планы. Не успели Соколов с Белозёровым отойти от жениха с невестой, как совершенно неожиданно появилась графиня Кочергина. Её никто не приглашал, но она пришла.

Несмотря на высокий сан, который предписывал всем и каждому в зале подойти и приветствовать графиню, никто и с места не двинулся. Наоборот. Все стали отступать. Даже в глазах Катерины отражался ужас. Она боялась свою крёстную матушку. Виделись всего несколько раз за всю жизнь. Причиной всех этих страхов являлись те же слухи. А если кто и сомневался, так получил сейчас подтверждение. Помолвка, а она явилась в траурном платье с этим ужасным красным траурным бантом! На запястье покачивалась сумочка столь же мрачных оттенков, как и всё одеяние.

Вокруг воцарилась полная тишина. Даже веера в руках дам замерли. Графиня Кочергина направилась напрямик к Катерине. С каждым последующим шагом, та теснее прижималась к жениху. Графиня Кочергина остановилась в нескольких шагах от крестницы и повелительным жестом подозвала её к себе. Не сразу, но Катерине пришлось подчиниться. Она освободила руку и очень медленно подошла. Взгляд отражал отчётливый страх.

- Тебе нечего меня бояться! - с необычайной мягкостью проронила графиня - Я здесь только ради тебя.

Когда Катерина подошла, она дотронулась тремя пальцами до её груди, что было расценено присутствующими как некое действие, имеющее целью приобщить невесту к своей секте. Граф Эссен забеспокоился, наблюдая за происходящим, но подойти к гостье не осмелился, равно, как и все остальные. Графиня Кочергина убрала руку.

- Ночью я видела сон. Вещий сон. В том сне я видела твоё сердце. Оно остановилось. Двадцать лет назад я видела точно такой же сон. Только про себя.

Графиня Кочергина открыла сумочку и достала оттуда ожерелье. Десятки чудесных изумрудов, нанизанные на золотую нить, сверкали так, что в глазах рябило. От этого сияния по стенам побежали зеленоватые блики. Все так и ахнули от восторга, завидев такую красоту.

Графиня Кочергина надела ожерелье на шею Катерины.

- Это оберег. Всю жизнь берегла! Мой подарок тебе. Держи у сердца своего. Даст Господь, поможет в тяжёлые времена.

Графиня Кочергина ушла, не обращая внимания ни на гостей, ни на хозяев, и даже не попрощалась. Катерину, после её ухода охватила сильная дрожь, и она никак не могла успокоиться. Ожерелье жгло шею и грудь. Она подняла руки, чтобы снять его, но внутри возникло что-то ужасное, и словно дикий зверь набросилось на неё, не позволяя этого делать. Катерина безвольно опустила руки. Гости не спускали с неё настороженных взглядов. Они видели, что с невестой происходит нечто очень странное. Оттого и бочком, бочком, незаметно потянулись к выходу. Никому не хотелось подпасть под влияние ведьмы Кочергиной. А ведь она явно что-то наколдowała! Какое-то страшное заклинание, раз уж невеста трясётся как листочек на ветке. Помолвка закончилась. Не прошло и четверти часа после ухода Кочергиной, как в зале осталась лишь семья Белозёровых с зятьями да Соколов, который вообще не верил во всю эту чушь с заклинаниями. Но Кочергина даже его впечатлила своими речами. Впрочем, вскоре откланялся и он. Служба! А за ним потянулись Маевский с Дубровиным. Жён решили оставить в родительском доме, дабы озаботились Катериной. Та чувствовала себя всё хуже и хуже. Не желая более испытывать стойкость невесты, едва державшейся на ногах, откланялся и граф Эссен, пообещав навестить на следующий день, осведомиться о самочувствии невесты. Сёстры отвели Катерину в её покои, раздели и уложили в постель. При этом все старались держаться как можно дальше от ожерелья. Родители побыли рядом с ней немного, а затем, сокрушаясь, отправились обратно в зал, чтобы отдать распоряжения слугам, а заодно и решить, как отделаться от нежелательного родства. Их очень беспокоила судьба дочери после встречи с графиней Кочергиной.

Глава 6

Оберег

Сёстры расселись по краям кровати и с тревогой следили за всеми изменениями, происходящими с Катериной. Грудь с ожерельем то бурно вздымалась, то совершенно затихала. Руки лихорадочно металась по одеялу, словно что-то пытались найти. Черты лица едва ли ни поминутно отражали целую гамму разных чувств, а вот блуждающий взгляд не менялся. Глаза будто остекленели и видят нечто, невидимое остальным. Глядя

на Катерину создавалось ощущение, что она потерялась и никак не может себя найти. Такое состояние продлилось не более часа. Неожиданно всё резко изменилось. И начались эти изменения с ожерелья. Катерина случайно дотронулась до него рукой. Потом отдёрнула руку, а после не только прикоснулась, но и взяла пальцами один из изумрудов и начала поигрывать с ним. Потом со вторым и третьим изумрудом. Очень скоро она уже обеими руками перебирали камни. И по мере того как она это делала на лице стала появляться... безмятежность. Она успокоилась. А потом даже приподнялась и села в постели. На губах заиграла лёгкая улыбка.

– Такое спокойствие внутри! Как будто на нашу Неву смотрю!
– неожиданно призналась она, чем совершенно обескуражила сестёр.

– Ничего такого...странного не чувствуешь? – осторожно спросила Ольга.

Катерина оттянула ожерелье от шеи.

– Потрогай! Понравится!

– Ни за что! – Ольга убрала руки за спину с таким видом, словно кто-то заставлял её дотрагиваться до ожерелья.

– Давай я! – Маша потянулась и взяла один из кристаллов пальчиками, к ужасу старших сестёр. – Ой, какие они тёплые?!

Переместившись поближе к Катерине, она начала одной рукой перебирать зелёные камушки. Да так восторженно, что и Ольга с Анастасией приобщились к игре. Очень скоро все четверо заливались весёлым смехом.

– Маменька с папенькой доктором озаботились...ожерелье снять,
– пробормотала сквозь смех Анастасия, и тут случился новый приступ хохота, веселей прежнего.

– Сбежали все с помолвки от испуга! – заливаясь смехом, закричала Маша.

– Да и жених оторопел! – добавила Ольга. – На ведьмовской крестнице собираются женить.

Катерина смеялась так же весело, как и сёстры. Она сама не ожидала, что все эти ужасные слухи являются лишь выдумкой. Сколько лет боялась крёстной. От одного взгляда шарахалась в сторону. А тут ничего и в помине нет.

Прошло немало времени, пока все успокоились. Смех затих, но улыбки никуда не ушли. И уж раз выпала возможность остаться наедине, следовало подумать об обряде.

Первой о нём упомянула Ольга. Анастасия пылко её поддержала. Маша устремила выжидательный взгляд на Катерину. А та отрицательно качнула головой.

- Я не смогу. Когда он поцеловал мою руку, возникло чувство отвращения. А тут сама в губы должна поцеловать. Не смогу, - она снова отрицательно качнула головой.

- Летом после свадьбы в кровать лечь придётся и ножки перед ним раздвинуть, - с философским видом заметила Ольга.

- Я не смогу...

- А кто тебя спрашивать будет?! Потом, это только в первый раз неприятно. А после свыкнешься и супругом управлять научишься.

- Нет! - с решительным видом ответила Катерина.

- Как «нет»? - возмутились в один голос Ольга и Анастасия.

- Мы проходили обряд. Мы целовали своих женихов. И ты должна пройти. Мы клятву давали все. Отказываться нельзя. У Катерины появился беспомощный взгляд.

- Может, в щёчку поцелую?

- В губы! Поцелуешь в губы! - непреклонно заявила Ольга. А Маша с Анастасией поддержали её решительными кивками. - Обряд есть обряд. Вы с Машей его исполните, как положено.

- Я готова. Только у меня жениха нет, - подала голос Маша. Три сестры разом навалились на Катерину, требуя выполнения клятвы, и одновременно восклицая: «Обряд! Обряд!» Катерина вынуждена была уступить. А что ещё ей оставалось сделать?! Клятва есть клятва. Две старшие сестры исполнили клятву. И как бы не было неприятно, ей тоже придётся исполнить.

- Слова! Наряды! И дела! - несколько раз таинственно повторили все четыре сестры. Затем слово перешло к Ольге, как к самой старшей по возрасту и по совместительству главной распорядительницы предстоящего обряда.

- В полночь после Рождества мы приведём жениха в твои покои. Вы будете вести крамольные разговоры, а потом ты поцелуешь его в губы. Обряд будет считаться завершённым только после поцелуя. Когда настанет время, ты дашь нам знак, дабы мы могли своими глазами увидеть этот поцелуй. Пусть будет так!

Ольга протянула руку вперёд.

- Пусть будет так! - на её руку легла рука Анастасии.

- Пусть будет так! - поверх руки Анастасии легла рука Маши.

- Пусть будет так! - Катерина положила свою руку поверх всех остальных.

Приблизительно в одно время с таинством, проходившим в покоях Катерины, Герцог пил чай в компании Казарки и деда Макара. Те болтали, о чём ни попадя, а он думал, куда завтрача пойти и где бы разжиться «Шмельками». То бишь

кошельками, иль бумажниками. На рынках уже успели примелькаться. Потом, хотелось чего-то остренького, кто до него ещё не делал. Опасно? Да. Но и ощущения от выполненной работы куда приятнее.

Во время чаепития неожиданно в избу ввалился угловатый парень с оттопыренными ушами, вытянутым лицом с маленькими хитрющими глазками и неприлично длинными сапогами. Именно размер ноги и стал причиной появления прозвища Топтун. Топтун обладал не менее примечательными, виртуозными пальчиками, и мог без особого труда обчистить карманы даже самых бдительных горожан. Что с успехом и делал на протяжении последних двух лет. Они с Герцогом считались закадычными друзьями, и редко гуляли врозь. Вот и теперь по весёлому лицу гостя стала понятна цель его прихода.

– Баньку приготовь и отравки сообрази на троих. Герцог-то у нас не пьющий! – несколько грубовато бросил он Казарке.

– Чего вдруг? – отпивая чай из блюдца и не трогаясь с места, любопытствовала она.

Топтун причмокнул губами.

– Двух «Матрёшек» у Храмовничка прихватил. Высшей пробы. Он их из самой Сибири привёз. Не целованные ещё.

– Так прямо и не целованные? – с иронией поинтересовалась Казарка.

– Мужик рядом не стоял! Четвертной за двух отдал. К утру вернуть надо. А до того попользуем с Герцогом.

– Четвертной?! – поразилась Казарка. – Да за такие деньжата, я б тебе дюжину не целованных привела, так бы и маненько отложила на чёрный день... Где?

Топтун указал рукой себе за спину. Казарка вышла. А тот занял её место и одним глотком опорожнил остатки горячего чая.

Герцог и слова не проронил. Он вообще мало разговаривал. Не особо любил болтать. Через минуту Казарка завела в избу двух девушек с длинными косами, в полущубках и красных сапожках с пунцовыми лицами. Со всех сторон придирчиво осмотрела.

– Красавишны! – признала она. – Стоят четвертной. А ну-ка подол подыми, гляну чего у вас там.

Топтун загоготал.

– Не верит Казарка! Да не целованные они, говорю!

– Сама проверю!

Казарка заставила обеих девушек поднять юбки, а потом тут же, при всех, осмотрела укромные местечки.

– Так и есть! Не тронутые ещё! – подтвердила она после осмотра. Ну, а после, когда новоявленные девки ожидали

новых пыток, усадила их за стол и начала подавать им еду, приговаривая и поучая. – Топтун с Герцогом не та швалота, с которой вам придётся знаться. Повезло на первый раз. Дальше хуже будет. Изобьют если, иль по-другому обидят, скажите про тётку Казарку и с косою в охалку ко мне. Ешьте, ешьте, а я пока баньку приготавлию, – девушки и так с аппетитом поедали всё, что им давали. Проголодались с дороги. Второй день не ели. Сами об том сказали.

Казарка пригрозила кулаком Топтуну.

– Обласкаешь их! Пусть мужскую ласку помнят, когда по рублю да по полтиной по рукам пойдут.

– А чего ему не скажешь? – Топтун покосился на Герцога.

– Он не обидит. Да и незачем. Девки-то от него глаз не отводят. На еду смотрят реже.

– Баньку топи! – отгрызнулся Герцог. – А мы тут без тебя обрешим утешные дела.

Казарка, широко улыбаясь, ушла. Всё ровно так и обстояло. Гости иногда украдкой, а иногда и открыто поглядывали на Герцога. Было заметно, что он им понравился. Тот бросил виноватый взгляд на друга. Топтун махнул рукой.

– Привык уже. Любить меня всё одно будут. А, дед Макар? – он подмигнул ему. – А давай с нами с тёткой Казаркой?! Тряхнёшь бородкой на посошок!

Дед Макар начал плевать в ответ. Топтун снова загоготал. Именно загоготал. Смеяться он не мог. Только издавал горлом разные звуки как гусь.

Через полчаса Казарка забрала девок в баню. Коротко объяснила чего и как делать, а потом велела раздеться и мыться. Когда Топтун с Герцогом пришли, обе были нагишом и выглядели радостно. Они ручками помыли своих дружков, прошлись по ним веничками из полыни, а потом и отдались со всей страстью, как и советовала Казарка.

Веселье продолжалось всю ночь. А под утро все четверо так и заснули голыми в бане.

Глава 7

Облава

В Съезжем доме 2-й Адмиралтейской тем же утром готовились взять братьев Петровских. Здесь совсем недавно расположилось сыскное отделение полиции Санкт-Петербурга.

В неубранной комнате с запачканными стенами и четырьмя высокими окнами, сплошь покрытыми инеем, выступал сам

начальник сыскной полиции Пётр Андреевич Крамилин. Одиннадцать обер-офицеров полиции располагались на стульях в первых двух рядах. Следующие пять рядов занимали Околоточные надзиратели. Каждый такой надзиратель возглавлял отдельный участок города и имел в подчинение приставов, городских и дворников. Иными словами говоря, именно эти люди расследовали все значимые преступления в городе.

Крамилин говорил мягко и старался донести до своих подчинённых каждое слово. Впрочем, как и всегда в таких случаях.

– Убийство наглое и жестокое! Убийцы Гайменники. Не так часто нам удаётся вылавливать это зверьё. Поэтому необходима полная собранность. И действовать будем наверняка. Кроме всех прочих мер, установим засаду по дороге от Малинника на Сенной до Горячего Поля в районе Лиговки. Афанасьев!

– Ваше благородь! – с задних рядов поднялся Околоточный надзиратель на вид крепкого сложения с усищами.

– Берёшь с собой двоих, и караулишь дорогу до особого приказа. После двух часов задерживаете каждых двоих мужиков, которые идут вместе. А до того времени, чтоб носа не показывали. Если упустим, к вам подойдёт подкрепление. Выполнять!

Афанасьев козырнул и поспешно бросился выполнять задание начальства.

– Далее, – Крамилин очертил рукой комнату. – Трактир на втором этаже Малинника. Братья Петровские придут туда ровно в два. Пять минут третьего мы должны всё вокруг дома перекрыть. Этим займётся мой помощник, капитан Соколов. Поручик Явский возьмёт на себя трактир. С ним пойдут восемь человек. Этого вполне достаточно. Ну, а мне достаётся Мелочная лавка на первом этаже. По нашим сведениям там есть какой-то скрытый ход. Куда, пока непонятно, но, вроде как, оттуда можно убежать. Я проверю, насколько это донесение соответствует действительности. На этом всё. Выдвигаемся прямо сейчас к Сенной площади и сидим как мыши до двух часов.

Далее всё происходило согласно намеченному плану. Как только часовая стрелка перевалила за цифру два, Соколов с двумя десятками жандармов начал окружать жёлтое трёхэтажное здание с номером «3».

Чуть ранее Крамилин вошёл в Мелочную лавку на первом этаже. За полками с самоварами в дальней левой части действительно виднелись мешки. Он их сразу заметил, однако тщательно

осмотрел все остальные товары, включая мешки с мукой и крупой, что стояли справа от двери и ворох одежды развешанной на стенах. За прилавком стоял сам хозяин в грубом фартучке из кожи. Крамилин сначала указал рукой на мешки, а потом себе под ноги.

– Затруднитесь перенести мешки сюда или же проводите меня в ту комнатку, которая находится за ними. Могу документик показать за надобностью!

– Да вас каждая собака в городе знает! – с хмурым видом ответил хозяин лавки. А потом вышел и поплёлся в сторону мешков. Крамилин последовал за ним. Тот убрал справа несколько мешков, освобождая проход, затем прошёл дальше и открыл маленькую дверь.

– Здесь!

– Благодарствую! Стойте за прилавком и никому ни слова лишнего. Не то придётся с нами поехать.

Крамилин вошёл в комнатку и осмотрелся. В ней-то и развернуться негде. Деревянная лестница приставлена к стене и уходит под потолок. Над ней квадратная крышка. Тоже из дерева. Такая же крышка, но только с кольцом в левом углу прямо на полу. Судя по всему, подпол. А вот куда ведёт, одному Богу известно. Да и времени нет выяснять. Он посмотрел на часы. Четырнадцать минут третьего. Ровно через минуту Явский должен был начать. Крамилин достал из кармана пистолет и отошёл к двери, одновременно держа в поле зрения лестницу и крышку подпола.

Сзади послышался топот ног. «Начали», – понял Крамилин. Топот ног по лестнице всё ещё раздавался, как откуда-то сверху раздался зычный голос Явского.

– Где братья Петровские? – и тут же: – Стоять! Стоять! Кому говорю!

Но какой там «стоять»?! Над головой Крамилина поднялся невообразимый шум: крики, звон разбито стекла, что-то всё время с грохотом падало, да так, что потолок над головой осыпался. Ну, а потом наступила кульминация. Крышка над лестницей распахнулась. Показался один сапог. Потом второй. Сапоги неожиданно соскользнули с поперечинки, и к ногам Крамилина свалился здоровенный мужик и застонал от боли.

– Балда! – раздался сверху злой голос. Показалось ещё два сапога. Они тоже соскользнули с поперечинки, и второй мужик, такой же здоровый свалился на первого, который уже, было, поднимался, но после такого удара сверху растянулся и перестал подавать признаки жизни.

– Какой гад лестницу маслом смазал? – зарычал второй мужик, пытаясь слезть с первого.

Крамили́н с любопытством наблюдал за всей этой сценой.

– Пря́м как яблочки к нога́м упали. То́лько корзинку подставля́й! – он наставил дуло пистолета на второго мужика, кото́рый стоял на четвереньках и соби́рался подня́ться.

Услы́шав го́лос, тот с удивле́нием воззрился на Крамили́на.

Одновременно, услы́шав грохот, прибежал Явский с двумя жандарма́ми.

– Сам брата́ понесе́шь иль подсобить? – поинтересова́лся Крамили́н.

– А я ничего́ не знаю! И он то́же ничего́ не знает! – мужик ткнул руко́й в спину́ брата́, кото́рый всё ещё находи́лся в беспамя́тстве.

– Ни́чего страшно́го, – успокоил его Крамили́н. – Знания́ приходи́т со време́нем. Посидите не́сколько месяце́в, авось поумне́ете.

– В Съезжатник?! И че́го тако́го мы сотвори́ли?

Все преступники́ называ́ли каме́ры в Съезжих дома́х ли́бо так, ли́бо «Клоповник».

– Молоду́ху на Сенной пло́щади убили!

– Так это́ не мы! – мужик не́сколько раз осени́л себя́ крестом.

– Зна́ть с брата́м не зна́ем, об че́м ре́чь.

– Вот ко́гда узна́ете, то́гда и расска́жете. А мы подождём! – Крамили́н отоше́л и кивну́л. Сзади́ ещё подтяну́лись жандармы́. Они́ связа́ли обои́х брата́ев. Одно́го поволокли́, а друго́го унесли́.

С чувством выполне́нного долга́ и находя́сь в пре́восходнейшем настро́ении, Крамили́н покину́л зда́ние.

Он сня́л с руко́й перчатку́, набра́л пригоршню́ сне́га и обтёр им ли́цо. Потом стряхну́л не́сколько раз мокрую́ ладо́нь и снова́ надел перчатку́. К нему́ подбежал Соко́лов и сообщи́л, что оцепле́ние вокру́г дома́ снима́ется. Чу́ть позже́ подъехала́ двуко́лка. Они́ с Соко́ловым сели́, и в это́т ми́г Крамили́н замети́л знако́мое ли́цо в конце́ переу́лка.

– Побудь́ здесь! – попроси́л он.

Как то́лько Соко́лов соше́л, жандарм на ко́злах дёрну́л поводи́я. Лоша́дь ры́сью понесла́сь впе́рёд. Ли́цо исче́зло, но Крамили́н не сомне́вался, что его́ жду́т. Ина́че, заче́м показыва́ться?! Он попроси́л жандарма́ притормози́ть возле́ угла́. Тот выполни́л про́сьбу. Из-за угла́ появи́лся Герцо́г, вскочи́л на подно́жку и че́рез мгнове́ние опу́стился ря́дом с Крамили́ным. Ша́пка, глубо́ко надвину́тая на ло́б, и подня́тый воро́тник надё́жно скрыва́ли ли́цо от посторо́нних гла́з.

– А я тут да́веча подумы́вал, как бы́ с то́бой встре́титься! – негромко́ и не гля́дя на Герцо́га пророни́л Крамили́н.

– Вот и встре́тился, – прозвуча́л ровный го́лос.

- Это ты маслом лестницу смазал?

- А то кто же?!

- И почему нам решил помочь?

- Девку ради нескольких целковых изувечили насмерть.

Ненавижу такой народ. Потому и помог. Не ищи другого. И тебе я не помощник. Помощь мне твоя тоже не нужна. О том и пришёл сказать. Если что надумаю дам знать. А того и гляди сам справлюсь. И вот ещё, Свистковый! Поберегись. И жинку с дитём побереги. На тебя Гайменники топор заточили. Больно не любим ты у них. После сегодняшнего будет только хуже. Герцог на ходу соскочил с кареты и почти мгновенно исчез из виду. Двуколка вернулась обратно. Соколов ждал там же, где его и оставили.

- Убили купчиху Игнатьеву с Невского. Только весть пришла!

- сообщил он, как только двуколка остановилась.

- Едем! - отрывисто бросил Крамилин.

Через полчаса Крамилин уже осматривал место очередного убийства. Там уже находились два жандарма. Один из них отвёл его в чулан и показал место убийства: женщина лет сорока пяти лежала на разном скарбе, раскинув руки. Серое платье стало почти красным от крови. Отчётливо виднелись несколько продольных порезов, которые могли быть оставленным чем-то острым. Крамилин одним взглядом выхватили все эти детали. Куда больше, чем тело, привлекла его сломанная дверь. Её сначала сломали, но, видимо, открыть не смогли, поэтому вырвали вместе с петлями. Он очень внимательно её осмотрел, а потом ушёл, чтобы осмотреться в купеческом доме. Местами валялась сломанная мебель. Но как-то слишком правильно валялась. И больше всего поразил Крамилина стул с богатой красно-золотистой отделкой. Такой стоит не меньше двадцати пяти рублей. А может и дороже. Стул с тремя ножками валялся на боку, а четвёртая сломанная ножка, аккуратно лежала сверху.

Он прошёл в гостиную. Там Соколов опрашивал купца Игнатьева, чья супруга была убита. Крамилин не стал вмешиваться, а просто осмотрелся. На полированном комод лежала инкрустированная шкатулка. Он подошёл к комоду и открыл шкатулку. Она оказалась наполовину заполненной золотыми украшениями. Он закрыл шкатулку и, не оборачиваясь, спросил у Игнатьева:

- Стул-то дорогой. Жаль. Выбросить придётся!

- Не придётся! - уверенно ответил Игнатьев. - На раз починить можно. Как новенький будет.

- Так чем вам жинка не угодила, господин Игнатьев? - Крамилин обернулся и бросил испытывающий взгляд на вроде

как безутешного супруга. Тот вытер платком сначала шею, а потом и лицо.

– Не понимаю, о чём вы! – ответил Игнатъев глубоко печальным голосом. – Ко мне в дом ворвались...страшные бандиты, перевернули всё вверх дном...забрали пятьсот сорок семь рублей тридцать копеек. Убили жену и ушли.

– Вместе с ними считали или по отдельности?

– Над моим горем издеваетесь?

Крамилин бросил на него насмешливый взгляд и указал рукой на шкатулку.

– Вас не тронули. Золотишко тоже не взяли, хотя и лежит на виду. А вот дверь в чулане выломали, чтобы убить жену.

Господин Игнатъев, у нас имеются два вида кровососущих в Съезжих домах. Одни в белье, другие – изуверы с Горячего поля. С кем бы желали квартировать?

Игнатъев поник и выдавил из себя.

– Грех на душу взял!

Крамилин отвёл Соколова в сторону и очень тихо сказал:

– Поговори с Игнатъевым, всё объясни, а потом посади вместе с братьями Петровскими. Пусть выведает, чего ещё они сделали. А у меня срочные семейные обстоятельства. На службе сегодня не ждите.

Соколов понукливо кивнул. А Крамилин сразу поехал домой и попросил жену наскоро собрать самые необходимые вещи.

– Пока брат в Москве, поживём у него! – добавил он.

Крамилин со всей серьёзностью отнёсся к предупреждению Герцога. Он отвёз жену с сыном на квартиру брата, которая находилась на Лиговке, и там с ними заночевал.

Наутро он вернулся в свою квартиру. Дверь была выломана. В комнатах царил страшный беспорядок, вещи разбросаны, некоторые даже изодраны в клочья, а в столешнице торчал топор. Так ему давали понять, что всё равно убьют.

Глава 8

О многом

Уже на второй день газеты разразились восхищёнными публикациями в адрес Крамилина. Раскрытие убийства сложнейшая из задач. А тут сразу два раскрытия одновременно с задержанием преступников. И разница всего в несколько часов. Соколов сам лично принёс Крамилину газету с кричащим заголовком: «Берегитесь, Преступники». Но тот даже читать

её не стал. Просто отмахнулся и всё. Пока город с восторгом обсуждал его великие деяния, сам Крамилин с прилежностью студента рылся в архивах, пытаясь найти хоть что-то, что помогло бы ухватиться за дело графини Кочергиной. Он не только не забыл о разговоре с ней, но и намеревался в самое ближайшее время заняться раскрытием далёкого преступления. Для него это дело стало новым вызовом, который он собирался принять.

Следующие два дня прошли в относительном спокойствии, если не считать появления родственников убитой на Сенной площади. Оказалось, что Светлана, так звали ныне покойницу, доводилась им племянницей. Родителей у неё не было.

Крамилин выслушал их, принёс соболезнования, сообщил, что преступники задержаны, а потом распорядился отдать тело. На этом история с убийством для него закончилась. Оставалось дожидаться лишь признательных показаний братьев Петровских. С ними уже работал Игнатьев. Его посадили к ним в камеру. И, как ни странно, он с ними поладил. Верно, слово «купец» расположило братьев к новому знакомому. Рано или поздно, они должны были заговорить. Крамилин не без основания подозревал, что Светлана не единственная их жертва, поэтому никак не торопил события. Дело было поручено Явскому.

Но если Крамилин не обращал внимания на происходящие события, то этого нельзя было сказать о газетах. Как только выяснилось, что жертва сирота, появились новые публикации и такие жалостливые, что дамы плакали навзрыд.

Всё это вместе привело к закономерному итогу. Крамилин был приглашён к самому генералу Трепову на приём.

Высшее начальство приняло его благожелательно и высказало несколько лестных слов по поводу достигнутых успехов. Далее было сказано, что Крамилину выделена денежная награда в размере ста двадцати рублей.

Улучив минутку и пользуясь возможностью отблагодарить своего спасителя, Крамилин обратился к Его Превосходительству с просьбой.

– Прошу вас! – поощрил Трепов. – Всё, что в моих силах.

– Ваше Превосходительство! – почтительно обратился к нему Крамилин. – Нижайше прошу снисхождения для вора и преступника по прозвищу Герцог.

– Герцог?! Не слышал о таком! – Трепов нахмурился. – И в чём заслуги оного?

– Это он помог арестовать братьев Петровских. А ещё спас меня с семьёй от смертоубийства. Мой долг пред ним..

– Я подумаю! – Трепов сделал жест рукой. Он терпеть не мог подобных просьб, и Крамилину было об этом известно. Но раз

уж представился случай, обязан был ответить благодарностью. Слегка подпортив отношения с высшим начальством, Крамилин поехал домой. Со дня покушения он старался как можно чаще бывать с семьёй.

А в доме Белозёровых кипели нешуточные страсти. И были они связаны с Катериной. Вернее, с её нежеланием видеть жениха. Граф Эссен приезжал четвёртый день подряд. Предыдущие три раза ему так и не удалось дожидаться невесту. Она попросту к нему не вышла. Сначала благородные родители связывали состояние дочери с некими неприятными последствиями, связанными с ожерельем, но затем осознали своё заблуждение. Произошло это утром, накануне четвёртого визита. Они направлялись в покои дочери, когда услышали звонкий смех. Вскоре им представились дочери Катерина и Маша. Они играли в так называемые «обменялки», писали коротенькие записочки, а потом менялись и читали, чего там написано. Таких записочек на ковре валялось не меньше двух дюжин. Чета Белозёровых сподобилась прочесть некоторые из них. Истина предстала перед ними в самом неприглядном свете. Речь, не в самых лестных выражениях, шла о графе Эссене. Подобное легкомыслие?! Подобное неуважение к жениху? Подобное коварство?! Даже подобная низость! Да, именно эти выражения использовал Белозёров в своей гневной речи, обращённой Катерине. После чего потребовал принесения немедленных извинений жениху. Нет. Не за использование непозволительных слов. А в виду нездоровья, вызванного временной лихорадкой. Белозёров, как человек щепетильный, не мог допустить любого рода замечаний в адрес своей семьи. Другое дело болезнь. И придраться не к чему.

– Немедленно спустишься и попросишь прощения! – со всей строгостью приказал он.

Едва глава семьи ушёл, матушка подошла к Катерине, взяла за руку и, заглядывая в глаза, мягко спросила:

– Катенька, душа моя, об чём волнуешься? Чем сердечко полно?

На что Катерина со всей откровенностью ответила:

– Отвращение чувствую к нему. Пытаюсь совладать с собой, но только хуже становится. Рядом с ним даже минутка в тягость.

– Им ведь немного надобно. Послушания вершок да терпения сажень. Отдай. Иначе покоя не будет, а жизнь тяжкой станет. Катерина молча кивнула. Матушка поцеловала её в лоб.

– Смени платье и приходи в гостиную. А я озабочусь гостем. Чаем китайским недавно привезённым угощу. И ты подарочек возьми. Безделушечку. Цены никакой, а глаз порадует. Быть

тебе с ним отныне. И заступником тебе будет и врагом. Кого сама выберешь. Запомни, и «держи за косой».

Белозёрова спустилась в гостиную, и в полной мере позаботилась о зяте. Ему было оказано столько внимания, что дурное впечатление от прошлых визитов стало понемногу проходить. А уж когда явилась Катерина во всей красе и преподнесла ему в подарочек миниатюрное деревянное корытце в глазури, настроение и вовсе стало прекрасным. Позже Катерина самолично налила жениху чая. А далее со всем вниманием слушала всякую глупость им сказанную. И даже поддакивала ей. Чаепитие прошло удачно. Граф Эссен решили откланяться, но изволили попросить позволения пригласить невесту на Святочные гуляния. Разрешение было немедленно даровано. Белозёров лично проводил зятя до дверей и, выразив надежду на новый визит, попрощался.

Вернувшись в гостиную, он похвалил Катерину, а затем отправился в свой кабинет, чтобы за трубкой табака почитать газеты. Их доставляли ему каждое утро.

Оставшись наедине с дочерью, Белозёрова с необидчивой лёгкостью пожурила её.

– Видишь, как просто. Улыбнулась, корытце дала, послушала, и он уж души в тебе не чаёт. Вот и «держи за косой» своё корытце. Не сможешь любить, так хоть спокойна будешь. Катерина осознавала правоту матери. Ей очень не нравился жених, но чего ещё сделать, как не подчиниться судьбе? Все так живут. И она будет.

Глава 9

Пришлые

Утро. Но всё ещё темно. По заснеженной дорожке возле Московской заставы неторопливо бежит двойка лошадей и тащит за собой большие сани, доверху загруженные мешками. По бокам, свесив ноги, сидят три женщины в шубах. Две помоложе, а одна постарше. Поводья держит и лошадью правит бородатый мужичок в тулупе. Он с женой и двумя дочерьми едет на Сенную продавать муку.

Неожиданно, словно ниоткуда, выскочили четверо мужиков в лохмотьях да без обуви, в одних портянках. Один успел лошадь за уздцы схватить. Другой – мужичка стащил и начал душить. Жена с дочерьми, с криками: «Отпусти, Ирод! Отлынь!» – на помощь бросились. Но куда там?! Старой кулаком в лоб дали. Затем об колёса бить, пока не затихла.

А молоденьких завалили здесь же на снегу, разорвали всю одежду и подвергли тяжкому насилию. После чего зарезали и бросили валяться на снегу.

Тот, что мужика снял с телеги, задушил его голыми руками и сразу стал сапоги стаскивать. Опосля и всю одежду с него снял и на себя одел. Далее те трое до ниточки раздели всех трёх убитых им женщин. Одежду в телегу сложили, а сами меж мешков схоронились. Тот, что с одеждой мужика, взял в руки поводья и продолжил путь, словно ни в чём не бывало.

Несколькими часами спустя, уже на Сенной, им удалось разом сбыть весь награбленный товар, а одежду женскую равно сменить на мужскую. Переодевшись и обзаведясь целковыми, они отправились в трактир на Малиннике.

В то время, пока они праздновали лихое начало, Крамилин осматривал очередное место убийство. Поскольку место преступления оказалось в непосредственной близости от Горячего поля, он сделал вывод, что это снова Гайменники кровавую вылазку осуществили. По Околоткам и Съезжим домам понеслась весть об убийстве. Были задействованы крупные силы для выявления следов преступления.

После полудня в потёртом и толстом журнале Сысского отдела появилась запись: «Душегубство на Московской заставе. Четверо крестьян замучены до смерти. Из них трое женского пола. Один мужского пола. Где живут, кто такие, неизвестно. Документов при них не оказалось».

Это дело на время отодвинуло поиски, связанные с просьбой графини Кочергиной. Убийство целой семьи всегда становилось широко известно, оттого и представлялось чрезвычайно важными. В то же время такие дела становились и самыми сложными для раскрытия, поскольку большей частью совершались Гайменниками. А те в большом количестве прятались на болотах, где имелись десятки потайных троп среди трясин, о которых никто кроме них не знал. Вытащить их оттуда, а уж тем более найти убийц иногда представлялось делом вообще невозможным. Но Крамилин надежды не терял. И причиной тому были скупщики краденого. Следовало выяснить, куда преступники могли сбыть снятую с тел одежду. Именно этим он и занялся.

Теперь несколько слов о Герцоге. Он с утра до вечера слонялся по городу, с лёгкостью обчищал карманы, брал кошельки и бумажники. Да не только. Стоило продавцу ювелирного магазина зазеваться, как чашка с позолотой пропала.

В целом, выручка оказалось куда скуднее, чем обычно, но двести целковых набралось, не считая чашки. Чашку он в свой схрон спрятал. Там, в конце огорода, что поближе к берегу, заросли плотные были из камыша. А среди них и норка с широким рукавом. Вот он в рукав всё и прятал, а потом норку землёй присыпал, чтоб незаметно было. Герцог никогда сразу не сбывал краденые вещи. Многие на том попадались. Поэтому он их собирал и придерживал для лучших времён. Особого богатства в золоте у него там не имелось, но целковых набралось больше семидесяти тысяч в кредитных билетах. Они лежали завернутые в тряпицу в железном ящичке. Ещё один ящичек с серебряными целковыми появился год назад, и уже был почти полон. Герцог подумывал сменить его. Взять размером больше. Как ни странно, имея такое богатство, он даже не помышлял о другой жизни. Ему нравилось то, чем он занимался, несмотря на опасность, которая подстерегала на каждом шагу.

Вернувшись в дом, он застал Казарку и Топтуна попивающих вместе чай с пирогами. Заметив вопросительные взгляды, Герцог неопределённо качнул головой.

- Два десятка целковых. Четыре Казарке. Рубль деду Макару.
- Чего так мало? - удивлённо спросил Топтун. - Я вон за раз почти полсотни обтёр.

- Тут как карта ляжет! - ответил Герцог. Он передал Казарке пять рублей, и сел с ними чай пить. Казарка тут же унесла деньги.

- Чего не весёлый?! - спросил Герцог, наливая чай из самовара. Он добавил в стакан немного сахарку, перемешал, потом взял пирог, откусил и запил горяченьким.

- Да с Пришлым одним сошёлся в трактире! - с хмурым видом ответил Топтун. - Эх и скотинка бездушная...да они все, дезертиры, такие...не по нашей жизни...

- А что за Пришлый? - Герцог продолжал есть свой пирог и заодно внимательно слушал Топтуна.

- Не видел раньше. Вроде как сегодня на Московской заставе куш взяли. Вот и пришли вчетвером разгуляться. И ко мне пришлёпали с горяченького. Чего ноги большие? Да чего ноги большие? Для тебя вырастил, чтоб самовар отдраить, говорю. Тут всё и завертелось. Свалил. Остался бы, кожу б мою сейчас сушили. Больно злые Пришлые...

- Давай, я с ними? - предложил Герцог.

Топтун отрицательно покачал головой.

- Ведро целковых дашь не подпущу. Говорю, злые больно...

- Так я с ними по-доброму разберусь!

На лице Топтуна появилось любопытство. Он хорошо знал Герцога, и догадался, что у того чего там на уме.

- А справишься? Больно здоровые все!

- Так я же с ними не кулаками. У меня другое воспитание. Ты приглядывай за ними. Надо знать, чего да как. А я соображу..

- Сообразишь с Пришлыми, с меня две самые красивые не целованные матрёшки, - пообещал Топтун.

Он и представить не мог, как именно собирался «сообразить» Герцог.

И не один он. Крамилин возвращался на Лиговку поздним вечером. Извозчик остановился у самого дома. Как только двуколка отъехала, возле уха раздался насмешливый голос:

- Здоровы были, Свистковый!

Крамилин так сильно обрадовался, словно родного отца увидел. Он отвёл Герцога под дерево с нависшими снегом ветвями и сразу задал тот единственный вопрос, который его занимал.

- Знаешь про Московскую заставу?

- Слышал! - последовал ответ. - А чего случилось, не знаю.

- Четверых убили. Если знаешь, помоги!

- Помогу! Только погоду чуток. Их выловить надо.

- Их?! Гайменники?

- Пришлые! Дезертиры, по-вашему.

- Дезертиры? Уверен?

- Мы не ошибаемся, Свистковый! Не нашего поля ягодка. В общем, жди. Дам знать.

Герцог собирался уйти, но Крамилин удержал его за руку.

- Долг перед тобой большой за семью. Не предупредил бы, не спаслись!

- Другому бы не помог.

- А мне, почему помог?

- Ну, а как же без тебя жить-то?! Я уж и привык, что ты меня всё время ловишь.

- Дело говоришь! - Крамилин схватил его за руку и поволок за собой.

Герцог и не думал сопротивляться.

- На меня ничего нет. Пустой ты, Свистковый. Не возьмёшь меня!

Герцог думал, что его в Съезжий дом собирается повести, и оттого чувствовал себя уверенно. Он всегда был готов к такому развитию событий. Но уверенность сменилась глубокой растерянностью, когда Крамилин завёл его в квартиру и представил миловидной женщине в простеньком платье.

- Надюша! Это и есть тот самый Герцог, о котором я тебе рассказывал.

Женщина неожиданно обняла его, а затем стала горячо благодарить. Но этим всё не закончилось. Она взяла его за руку и усадила за стол. Потом налила чай и принесла немного печенья в вазочке. Герцог всё время ёрзал и растерянно озирался. Он никак не ожидал, что его вот так просто примут в семье такого человека как Крамилин. Да и в любой другой нормальной семье для него не было места. Неловкость настолько бросалась в глаза, что Крамилин со своей Надюшей засмеялись.

- Это тебе не бумажник стянуть! - смеясь, сказал Крамилин.

- Тут ловчить не надо. Всё как есть, на виду.

- Как вас зовут? Не прозвище, а имя. Какое у вас имя? - спросила Надя присаживаясь на стул.

- Как зовут...? - растерянно спросил Герцог. Ему понадобилось время, чтобы ответить на такой просто вопрос. - Не знаю...так с малолетства и Герцог. Другого имени не знал.

- Тогда, я вас Андреем буду звать. Андрюшей! Вы не возражаете?

- Так по мне хоть корытом, если стирать не будете! Надежда засмеялась. Крамилин улыбнулся и задал ещё один вопрос.

- А как узнал, где живём? Следил за нами, когда переезжали? Чуть погодя Герцог кивнул.

- И зачем же? - продолжая улыбаться, спросил Крамилин. - Беспокоился за нас или как?

Герцог совсем смутился. Оттого и решил не задерживаться.

- Пойду я. Дела...ждут.

Никто задерживать его не стал. С ним тепло попрощались. А Надежда на прощание попросила навестить их при первой возможности.

- Приходите в любой день. Мы всегда рады будем вас видеть! Проводив гостя, оба вернулись за стол, и некоторое время молча улыбались своим мыслям.

- Смущается как девушка. Мне он очень понравился, хотя и знаю всего ничего! - призналась Надежда.

- Не «подфартило» как они сами любят повторять в таких случаях. Как в тюрьму, так хвост распустил. А как с нормальными людьми за чашку чая, так и растерялся. Хоть и вор, но с душой. Иначе никогда бы домой не привёл.

Глава 10

24 декабря 1870 года. В ночь накануне Рождества.

Длинный коридор словно плывёт между чередой широких окон и вереницей картин. Над картинами висят позолоченные светильники. Они не горят. Мягкий лунный свет проникает через окна и придаёт отдельным сценам живописи загадочность, не свойственную замыслам художника. Где-то очень близко раздаётся лёгкая поступь. Дверь в конце коридора бесшумно открывается, пропуская маленькое театрализованное шествие из четырёх девушек, очень напоминающее собой...карусель. Одна идёт прямо, а остальные три кружатся вокруг неё. Лёгкий шелест платьев переплетается со вздохами и едва слышным стуком каблучков. Процессия замирает возле картины, на которой просматривается портрет красивого мужчины с гордо поднятой головой. Три девушки совершают пируэты и застывают в поклонах вокруг четвёртой. Три шёпота, полных загадочности, возвещают о начале таинства:

Перед Святками придёт звезда,
И укажет на тебя!
В полночь суженный придёт,
Поцелует и уйдёт!

Обе створки окна раскрываются, впуская зимний воздух. За лёгкими струями морозного пара появляется дивный овал девичьего лица, обрамлённого локонами. Взгляд устремлён куда-то высоко вдаль. Минутки бегут да останавливаются. В небе появляется яркая звезда.

– Твоё время пришло, Катерина! – раздаётся пророческий голос.

Все четыре сестры – Ольга, Анастасия, Катерина и Маша – закрывают окно и бесшумно следуют в потайную комнату, где их ждёт круглый стол, три стула, три горящих свечи, три листа, три пера и одна чернильница.

Ольга, Анастасия и Маша сели за стол. Катерина осталась стоять, в тени. Пламя свечей отражают лица трёх очаровательных девушек с плотно сжатыми губами и загадочным взглядом. Каждая из сестёр, согласно старшинству задаёт вопрос.

– Готова ли ты выполнить обряд? – спросила Ольга.

– Готова ли ты выполнить обряд? – спросила Анастасия.

– Готова ли ты выполнить обряд? – спросила Маша.

Тот час же раздался голос Катерины, отчасти беспомощный, отчасти виноватый.

- Не готова. Прошу пощады!

- Отказано! - раздаются один за другим голоса.

- Я, правда, не смогу. Пощадите...- взмолилась Катерина, обращаясь одновременно ко всем сёстрам.

- Снова отказано! - на этот раз ответила одна Ольга. - Я прошла обряд. Настя прошла обряд. И вы с Машей тоже пройдёте обряд. Повинуйся и выслушай правила. Или мы все обвиним тебя в нарушении клятвы.

- Я повинуюсь! - раздался покорный голос Катерины.

- Наш Совет принимает твою покорность и назначает условия предстоящего обряда! Он состоится завтра в полночь. Все три сестры взялись за руки и одновременно торжественно произнесли:

- Обряд состоится завтра в полночь!

Затем они отпустили руки и взяли свечи. С ними в руках они подошли к Катерине. Ольга, издавая таинственный шепот, который не могла разобрать даже она сама, закружила вокруг неё с горящей свечой.

- Каждая из нас после помолвки призывает своего жениха и целует его в губы. Твоя помолвка состоялась. И ты обязана исполнить обряд. Завтра в полночь ты призовёшь к себе жениха и поцелуешь его в губы. Клянись и повинуйся!

- Клянись и повинуйся! - с мрачной торжественностью повторили Анастасия с Машей.

- Клянусь и повинуюсь! - раздался в ответ лёгкий шёпот.

- Слова! Наряды! И Дела! - изрекла Ольга, держа свечу перед лицом Катерины.

- Слова - Маша! Наряды - Анастасия! Дела - Ольга!

Следом раздалось три голоса.

- Повинуемся!

Три сестры вернулись на прежние места. Катерина взяла стул и под села к ним. Чуть позже все взгляды устремились на Машу. Она макнула перо в чернильницу, что-то написала, а потом показала сёстрам.

- Слова под костюмы! - прочитала Катерина и наклонила голову в знак согласия. - Слова приняты!

Взгляды устремились на Анастасию. Пришлось подождать некоторое время, прежде чем она предоставила свою часть обряда.

- Катя - наряд пастушки. Только одно платье и никакой другой одежды. В туфельках. На голове милый чепчик. Жених - наряд трубочиста. Башмачки, поношенные брюки, рубашка с

такими милыми чёрными пятенками, запачканное лицо, круглая шляпа и щётка.

– Башмачки не пойдут! – отрезала Ольга. – От них слишком много шума. Мы его к Кате провести не сможем.

– Пусть будут сапожки. Но всё остальное не трогаем?! – предложила в обмен Анастасия.

Маша и Ольга посмотрели на Катерину. Та сидела с таким видом, будто осознала своё преступление и собиралась отправиться в тюрьму.

– У меня есть условие. На ваш выбор: маски или темнота. Я просто не смогу его поцеловать сама, если увижу лицо. Прошу с пониманием отнестись к моей просьбе.

Анастасия неопределённо повела головой.

– Это условие против правил!

Маше с Ольгой понравилась эта идея. Одни, в полной темноте... сколько таинственности и романтики. Потому они её пылко поддержали. Анастасия вынуждена была уступить.

– Наряды – приняты! – с облегчением провозгласила Катерина. Ольга заулыбалась. Макнув перо в чернильницу, она стала писать свою часть обряда. Все три сестры следили за движениями рук с неослабным вниманием.

Закончив писать, Ольга зачитала своё творение.

– Приводим в полночь. С полуночи до двух ночи жених обязан вести себя как трубочист. Никакие высокие слова, комплименты и признания в любви недопустимы. Лишь грубый слог и прочие присущие ничтожествам слова. Катерина поощряет слог и позволяет прикасаться к своим рукам. Но не более того. Прикосновения всегда легки. С двух до трёх часов происходит первый поцелуй в губы. В четыре часа он на коленях благодарит её за оказанную честь и уходит. – Ольга с довольным видом оглядела сестёр.

Маша с Анастасией бурно приветствовали третью часть обряда. Чуть позже и Катерина согласилась.

– Дела – приняты!

Обряд на том и завершился. Оставалось передать письмо жениху Катерины с подробным описанием всего того, что ему надлежало сделать для тайной встречи со своей невестой. Его должна была написать и передать в руки сама невеста на Святочных гуляниях, куда они собирались пойти вместе.

Глава 11

Святочные гуляния

С раннего утра Адмиралтейская площадь стала важным центром Святочных гуляний. Верстой южнее, на замёрзшем льду Мойки были сооружены горки высотой более десяти сажень. Каждый желающий мог прокатиться с них на санях за двадцать копеек. Что же происходило в это утро на Адмиралтейской площади? Мы не претендуем на точное изложение событий, но сам дух праздника нам по силам передать.

И начнём мы с...погоды. Она оказалась столь необычной для такого времени года, что даже старожилы, повидавшие всякое, с удивлением повторяли:

– Ишь как разыгралась! Того и гляди цветочки пойдут! Погода стояла до того тёплая, что местами начал подтаивать снег. И это внесло особенную изюминку в празднества. Сбросив тулупы и полушубки, мужчины в расписных рубахах лихо нагоняли сапогами жар в самоварах, одновременно прибаутками зазывая покупателей. Столы же ломились от всякого рода сладостей, как исконно русских, так немецких и французских. Да и народу возле таких столов толпилось предостаточно.

Чуть поодаль две дюжины девушек в длинных расписных платьях и кокошниках водили хороводы и пели песни. В стороне между двумя повозками с цыганами, предлагающие всякому желающему узнать, какие радости ждут в будущем, и акробатами, демонстрирующими удивительную ловкость, расположился кукольный театр. На глазах зачарованных детишек из волшебного ящика выплывали и оживали различные куклы. Они кланялись, говорили, а иногда и звонко хохотали. Ну и, конечно, развесёлые деды, распеваящие порой не самые благозвучные частушки, что никак не мешало, а порой даже и помогало пополнять карманы подаяниями сердобольных горожан. И как тут обойдёшь медведей?! За скромную плату можно посидеть с ними рядом и понаблюдать, как они одним махом со свистом выдували чай из блюдца вместимостью в треть самовара. Или покататься вместе с ними на санях. Или послушать задушевную мелодию медведя-аккордеониста в заливчатской фуражке.

Стоит упомянуть и об одном из самых любимых народных зрелищ – театре Петрушки. Как только на краю ширмы появился маленький человечек с длинным носом, и по площади раздались слова: Я Петрушка, Петрушка, веселый мальчуган! Без меры вино пью, всегда весел и пою... – народ так и повалил к импровизированному балагану. Под звуки шарманки Петрушка расписывал достоинства своей невесты и полученного приданного.

И это не считая всевозможных товаров и зрелищ, связанных с Рождеством. Люди в это утро развлекались от души, как и положено на Святочные гуляния.

Но как вы понимаете, не всем праздники – веселье. Возьмём деда с гармошкой. Притопывая сапогами, он выкрикивал частушки, наподобие вот этой:

Жинка моя от рожденья глуха,
Оттого и не услышала меня.
Ходит по дворам и ищет мужа.
Теперь детишек полная изба!

В маленьком мешочке, прикрепленном снизу под гармошкой, то и дело раздавался звон. Но главное хранилище находилось в правом кармане душегрейки. Меньше чем за час там успело скопиться четыре увесистых бумажника и пара часиков с цепочками. А также значительное количество бумажных целковых. Пополнялось хранилище очень просто. К нему подходил молодой парень в поношенном полушубке и незаметно для окружающих опускал в карман наворованную добычу. Следом в кармане исчезала рука деда. Он тихонечко отстёгивал подкладку в нижней части кармана. А затем снова застёгивал. Они делали это до того ловко, что даже городской, стоявший в двух шагах, ничего не заподозрил. Время от времени, дед и молодой парень обменивались понятными им взглядами. Здесь надо добавить ещё одну маленькую, но весьма интересную деталь. Шапка на молодом человеке была надвинута глубоко на лоб, а воротник полушубка поднят. Оттого, почти не представлялось возможным рассмотреть лицо. Между тем, он прекрасно видел всё, что происходило вокруг. Но справедливости ради мы всё же заступимся и за городских. Если они не замечали связки деда с гармошкой и молодого парня, так преуспели в других частях гуляний. То и дело раздавались свистки и знакомый всем крик: «Караул! Держи вора!» После чего очередного неудачливого карманника увозили в «Клоповник».

Успехи полиции как нельзя лучше способствовали чаяниям... Герцога. Они вместе с дедом Макаром явились на гуляния «на баньку застолбить». Новую баню собирались построить во дворе, а старую снести. Оттого и озаботились на гуляния. Дела шли хорошо. Очень хорошо. И чем меньше становилось конкурентов, тем больше росли аппетиты. Герцог действовал по принципу последующей волны. Стоило ему увидеть, как люди гурьбой бросаются на очередное зрелище, как он немедленно просачивался через их ряды, с виртуозным мастерством очищая карманы. Как правило, он почти всегда выходил оттуда с

бумажником, часами, сумочкой или содержимым сумочки, а то и с кредитными билетами иль серебряным рублём.

Такой способ позволял всегда оставаться вне поля зрения жандармов, которых здесь находилось немалое количество. Ближе к полудню, оставив добрых два десятка мужчин и женщин без своих кровных, Герцог начал усиленно потирать нос, показывая сообщнику, что пришло время хвостом вильнуть. В ответ дед Макар схватился за шею и запел очередную частушку. Таким образом, он обращал внимание сообщника на важную цель.

Проследив его взгляд, он увидел девушку, которая шла рядом со щёголем в чёрном пальто. Намётанный глаз сразу определил богачей по стилю, покрою одежды и манере общения. Судя по взгляду, дед Макар показывал именно на девушку. Что же в ней такого особенного?

Острый взгляд выхватил белые сапожки, светлую шубу, белую шапку, из-под которой выбивались светлые локоны. И муфту. Тоже белоснежную. «Как ни есть, Снегурочка! – подумал Герцог, наблюдая за ней. – И чего такого в ней дед нашёл?» Неожиданно, девушка вытащила правую руку из муфты и что-то потрогала на шее. На один короткий миг сверкнул зелёный камушек. Герцог весь напрягся. Ожерелье. Вот на что показывал дед. Один этот камушек мог стоять целое состояние. А ведь наверняка были ещё. Всё прочее разом перестало существовать. Он потёр шею, показывая сообщнику, что ведёт будущую жертву. Тот отвернулся и снова заиграл на гармошке. Герцог лишь на мгновение отвлёкся, а потом снова перевёл взгляд на девушку. В этот миг и она посмотрела в его сторону. Реснички вспорхнули, показались ярко голубые глаза. Но только на один короткий миг. Затем реснички медленно опустились. Она отвернулась.

Сделав небольшой полукруг, Герцог последовал за парой вразвалочку, отпуская шуточки в разные стороны и хватаясь за девичьи косы, что имели неосторожность оказаться в непосредственной близости. Такое поведение было свойственно многим молодым людям, оттого и воспринималось как незамысловатая забава. Но при этом, он не упускал ни единого слова из той беседы, которые вела пара, шедшая впереди.

– Какая безвкусица! Какой Дипратон! Что за ужасные красные щёки! А этим медведям самое место в клетке. Уму непостижимо...как их выпускают на свободу в таких людных местах...дикость и ничего более. В Париже или Лондоне подобные гуляния назвали бы варварскими...

Герцог следил за ними, выжидая удобного случая для своего манёвра. Неожиданно оба остановились возле другой пары. И спутник девушки с восторгом воскликнул:

– Дорогой друг, сударыня! Позвольте представить Катерину Белозёрову – мою невесту!

Герцог отошёл к прилавку и купил себе заслуженный завтрак. Попивая чай и закусывая его пряником, он ни на миг не упускал из виду девушку с ожерельем. Вот она что-то достала из кармана и протянула своему спутнику. Вернее, жениху. Судя по всему, это было письмо. Тот поклонился, потом.. вытащил из внутреннего кармана пальто толстенный бумажник и, не читая, положил письмо в него. Видимо, счёл неудобными любовные чтения на виду у толпы. Герцог напрягся. Он заметил бородавку. Ту самую, которую видел в публичном доме. Это был тот же самый человек, который убил проститутку. А если и оставались сомнения, они исчезли после того, как к нему дважды обратились со словами: Дорогой граф Эссен!

И тут произошло сразу несколько важных событий. Для начала та самая Катерина Белозёрова отделилась от жениха. Вернее, её отделили от него. К ней подошли три девушки и двое мужчин, подхватили под руки и куда-то потащили.

– Я скоро! – закричал им вслед тот самый граф Эссен. Одновременно появилась, грызя семечки и выплёвывая шелуху под ноги, Анька Косынка, известная проститутка.

– Откушайте китайского чайку! – закричал Герцог, привлекая к себе внимание. Через мгновение, взгляд проститутки остановился на нём. Он слегка приподнял шапку, показывая своё лицо, а потом глазами указал влево. Та проследила взгляд и тут же понятливо кивнула головой.

– Ой! Ой! ОЙ! Грабят! Убивают! Душегубы! – завопила она, бросаясь напрямиком на графа Эссена. Тот всё ещё разговаривал с парой своих знакомых. Заслышав крики, все трое стали настороженно озираться. И не только они. Крики привлекли внимание и других людей, которые находились поблизости. Анька подскочила к обозначенной жертве и, схватив двумя руками за воротник пальто, что было силы заорала:

– Ты чего удумал, изверг?!

Не теряя, ни мгновения, и с криком: «Душегубец!» – Герцог навалился на графа, бросил на снег и стал бороться, хотя тот и не думал сопротивляться.

– Вы ошиблись! Ошиблись! Я не тот человек! – вопил снизу граф Эссен.

– Не тот?! А сказали вроде тот?! – Герцог скатился с него, встал на ноги и спокойно отряхивая снег с полушубка,

направился восвояси с толстеньким бумажником в кармане. А вот позади него началось настоящее побоище. Он-то поверил графу. А вот другие не поверили. Мало избили, так и городовому передали, определив как личность мутную и крайне жестокою. В результате, и несмотря на все попытки объяснить свою невиновность, его повезли в Клоповник.

Герцог проводил злорадным взглядом чёрную карету. У него этот граф с тонкими усиками вызывал омерзение.

Спустя минуту к нему, запыхавшись, подбежал дед Макар с гармошкой.

– Дамочка с ожерельем к горкам пошла! Вещица дорогая. Авось сложится?! – задыхаясь и торопясь, сообщил он.

Герцог опустил бумажник ему в карман, велел немедленно отправляться домой, а сам поспешил к Мойке, где и были установлены горки.

В обе стороны шёл весёлый, покрасневшийся люд, порой, таща за собой санки.

Четверть часа спустя, он уже стоял, облокотившись на заснеженную балюстраду и зорко осматривался. Горки справа возвышались. Весь народ струдился там. Санки, в основном с одним единственным человеком, неслись с огромной скоростью вниз, пролетали по льду довольно далеко вперёд и останавливались едва ли не у самого моста. А потом ездок возвращался, таща за собой санки. На конечной точке стоял только один человек. Видимо из тех, кто обслуживал горки. Он, при необходимости, помогал всем кто к нему подъезжал. Взгляд Герцога выхватил знакомое лицо с ожерельем. Она стояла на самой вершине горки в окружении трёх других дамочек и, судя по всему, собиралась съехать. Герцог со всех ног поспешил к одинокому стоявшему мужику, что переминался с ноги на ногу на конечной точке. Для этого пришлось перелезть через балюстраду, спрыгнуть вниз и побежать по льду. Валенки и природная ловкость без труда позволяли ему удерживать равновесие. Пока он бежал, съехали ещё двое.

– Прислали постоять за место тебя! – сообщил Герцог, добравшись до цели.

Мужик обрадовался. Он убежал, поблагодарив доброго человека. Хотел успеть побывать на гуляниях, да и озяб, стоя на одном месте. Герцог с довольным видом потёр руки. Ничто не мешало забрать очередную добычу. Да и лесенка в десяти шагах позади. Поднялся, взял извозчика и с лёгким сердцем на печку. Оставалось всего лишь дожидаться схода этой самой Катерины Белозёровой.

Катерина и в самом деле собиралась съехать. Вернее, она была вынуждена это сделать под напором сестёр. Они все проехали и сейчас требовали того же от неё.

Превозмогая страх и подбадриваемая толпой, Катерина, вцепившись намертво в санки, и испустив звонкий визг стремительно понеслась вниз.

Герцог видел, кто едет, оттого и радостно заулыбался.

– Вот надуло так наветрило сегодня. Успей собирать! – радостно бормотал он, как коршун, наблюдая за приближением санок.

Неожиданно санки чуть вывернулись и заскользили по льду, а потом ударились о край торчавшей льдинки, взлетели в воздух вместе с душераздирающим криком: «Маменька!»

Сани с девушкой подлетели вверх, перевернулись, с силой ударились о поверхность, проломил лёд и ушли под воду в нескольких шагах от Герцога. Сани тут же выплыли. А вот девушка...нет.

– Да чтоб тебя! – вырвалось у Герцога.

Он скинул шапку с полущубком и, откинув санки в сторону, нырнул в прорубь...за ожерельем.

Катерина на какой-то миг потеряла сознание от удара, но ледяная вода мгновенно привела её в чувство. Панический страх сковал всё тело. Она не могла дышать, но подчиняясь неким инстинктам, попыталась выбраться из полыньи. Голова ударилась об лёд. Сознание помутилось. «Конец!» – пришла чёткая мысль. И в этот миг она почувствовала, как её понесло куда-то в сторону. Одно мгновение, второе, третье, и вот она уже хватается ртом воздух на поверхности.

Герцогу тяжело пришлось. Очень тяжело. Приходилось орудовать только одной рукой. Вторая была занята. Он держал её Катерину за воротник шубы. Выбравшись из полыньи, он вытянулся и зацепился пальцами свободной руки до скопления ледяных наростов. Пальцы сбились в кровь, пока он вытаскивал Катерину и укладывал на притоптанный снежок. Катерина лежала на боку и заходила кашлем, выплёвывая ледяную воду. Где-то рядом стали раздаваться свистки.

– Живи, Мадамка! – раздался над ней незнакомый голос.

Герцог одним движением сдернул с неё ожерелье и с ним в руках побежал к лестнице. Свистки раздавались всё чаще и звучали более пронзительно. Но он успел скрыться под самым носом у жандармов.

К перепуганной Катерине уже бежали сёстры с мужьями, да ещё помощь с Городовым. Её подняли, положили на сани и повезли домой.

Глава 12

Некоторые детали

В доме Белозёровых царил переполох. Софья Васильевна отчитывала в гостиной дочерей за легкомысленные забавы едва не приведшие к беде. Белозёров, тоже в гостиной, беседовал с доктором. Тот заверил, что ничего опасного не произошло. Всего лишь несколько ссадин на голове и руках. Что представлялось крайне удачным завершением столь опасного происшествия.

Что же касается Катерины, её сразу привезли домой, раздели, натёрли тело спиртом, переодели в сухую одежду и уложили в постель. После всех этих мер её осмотрел доктор. Раны были обработаны, лекарства прописаны, наставления даны, деньги за труды получены.

Самые большие волнения начались, когда все успокоились относительно здоровья Катерины. И связаны они были с пропажей ожерелья. Первой его хватилась сама Катерина. Она оделась и лихорадочно рыскала в комнате до тех самых пор, пока не сообразила, где его следовало искать.

С криком: «Папенька! – она вбежала в гостиную, чем не на шутку перепугала всё семейство. Но как только выяснились причины тревоги, оба родителя одновременно начали ругать всех четырёх дочерей. Особенно досталось Катерине. Потерять такой дорогой подарок из-за простого ребячества представлялось верхом легкомыслия. Но тут над Катериной сжалилось провидение, прислав в виде защитника городского. – Тута Авдейкин прибыли. Желают с барышней поговорить! – сообщил слуга.

– Пригласи немедля сюда! – приказал Белозёров.

Городовой Авдейкин в синем мундире, поглаживая пышные усы с важным видом и следуя приглашению хозяина дома, уселся за стол. Ему принесли чаю, печенья и конфет. Он благодарствовал. Белозёров сел вместе с ним за стол. Жена и дочери остались стоять, с надеждой и тревогой всматриваясь в уверенный облик городского.

– Видали, как с драгоценностью бёг, потому и явился. Жалобу будете писать на кражу иль как?

– Узнали, у кого ожерелье моей дочери? – спросил Белозёров. А женщины воспрянули духом почуяв хорошую весть.

Авдейкин налил в блюдце чай, со свистом всосал в рот, и только потом важно ответил:

– Как же не узнали?! Личность известная! Семейство издало единый вздох облегчения.

- Кто? - спросил Белозёров.

- Герцог!

- Герцог?! - приятно удивился Белозёров. - Вот уж не думал, что его высочество находилось на гуляниях. А фамилия как?

- Так у его морда принцешная, оттого и Герцог!

Ответ городского озадачил всю семью Белозёрова. Ну, а главе семейства пришлось некоторое время потратить на осмысление слов «морда принцешная». Он даже посмотрел на супругу. Но та в ответ пожала плечами.

- Бог с ней с мордой! Вы, любезный, лучше подскажите, как нам его найти.

- Так мы сами его второй год ищем.

- Зачем?

- Хлопотный он для нас! - Авдейкин развернул обёртку конфеты, опустил содержимое в рот. - И ловок больно. Из рук как угорь выскальзывает. Не удержишь. И облавы устраивали, и с ночёвкой ждали...и чего только не делали с им. Как с гуся вода...сегодня под самым нашим носом озорничал, а мы и прохлопали.

- Так это прозвище Герцог? Он что, вор? - до Белозёрова дошло, наконец, истинное положение дел.

- Вор! - подтвердил Авдейкин. - Он барышню вашу ограбить хотел, оттого и оказался возле той проруби. Он же не за ей полез, а за драгоценностью. Ну, и её спас заодно.

Маша приснула со смеху. Но заметив угрожающий взгляд родителя, тут же плотно сжала губы.

- Так как нам найти этого Герцога? У вас есть мысли по этому поводу. Я отблагодарю.

- С большею радостью, да не ладится с им. Авось с помощью барышни запоймаем, - в конце своей речи Авдейкин бросил недвусмысленный взгляд на Катерину. Та уяснила, что обращаются к ней, но не поняла по какому вопросу. Но Авдейкин тотчас объяснил:

- Можя слышали чего? Куда пошёл? Что говорил?

- Нет. Не видела. Какое-то странное слово сказал. Я не поняла.

- Вот так завсегда. А что с нас взять, коли сами ничего не видите? Жалобу будете писать?

- Не будем! - ответил на это Белозёров. - Чёрт с ним, с этим ожерельем. Катенька жива и, слава Богу.

- Благодарствую!

Допив чай, Авдейкин откланялся и ушёл. Осталось непонятным, за что он благодарил: то ли за чай, то ли, что жалобу писать не стали.

Несмотря на прискорбные обстоятельства дела, в гостиной на какое-то время воцарилось весёлое настроение. И причиной тому явилась Маша. Она безудержно смеялась и повторяла:
– Морда принцешная спасла Катю...за ожерельем полез, а вытащил её.

– Да уж, и правда, не знаешь, то ли наказания требовать, то ли облагодетельствовать за спасение Катеньки, – Белозеров ушел, прихватив с собой супругу. Следовало незамедлительно известить графиню Кочергину о прискорбных обстоятельствах, связанных с потерей ожерелья.

Что же касается Герцога...ему благополучно удалось попасть в ручки тётки Казарки. Она его раздела донага, вытерла досуха, уложила голенького на печку и сразу чай горячий с плюшечкой.

– Может ещё чего для сугреву? – спросила она, намекая на проституток.

– Давай двоих! Душа горит, веселья просит. И деда позови! – попросил Герцог.

Тётка Казарка стребла всю одежду, развесила вокруг печи и только потом ушла. Герцог даже не думал следить за одеждой. Ожерелья там уже не было. Он его спрятал в своём тайничке по пути домой. Оттого и не обратил внимания, когда Казарка по привычке карманы его обшарила, перед тем как повесить на верёвку.

Он полулежал на спине, закинув ногу на ногу, держал стакан с блюдцем в руках и медленно отпивал горячий чай глоток за глотком.

Явился радостный дед Макар.

– Ты инструмент музыкальный! – в устах деда Макара эта была наивысшая похвала. – Две с четвертью тыщи. Пять разов... пересчитал.

– Принеси-ка последний «Шмелёк»! – попросил Герцог.

Дед исчез. А через минуту явился и протянул требуемый бумажник

– Плесни-ка ещё! – Герцог оставил блюдце на животе, а стакан передал в обмен на бумажник. Сначала он положил его на блюдце и только потом отстегнул ремешок. Все движения выглядели мягкими и неторопливыми. В глаза бросилась плотная стопка банковских билетов, но он не стал их трогать. Подсознательно он искал бумажку, которую передала жениху та самая Катерина Белозёрова. Почему? Он не знал. Но ему неудержимо хотелось её прочитать. Очень скоро тонкие пальцы одним лёгким движением вытащили и развернули письмо:
– «Дражайший граф! – так начиналось письмо.

- В виду некоторых особых обстоятельств, и моего особого к вам расположения предлагаю прибыть к нам домой и ждать ровно в полночь у заднего входа со двора. Вас встретят и проведут в мою спальню».

- Чаёк! - дед Макар протянул стакан.

Герцог вернул бумажник обратно со словами: «Отдашь красненькую Аньке Косынке».

- Чего так много? - подивился дед. - Целковым подавится.

- Отдай! - грозно потребовал Герцог. - И чай свой убери. Не до него.

Не дожидаясь, пока тот уйдёт, он снова погрузился в чтение письма.

- «Вам надлежит прибыть в наряде трубочиста. А именно: сапоги, поношенные брюки, рубашка с такими милыми чёрными пятенками, запачканное лицо, круглая шляпа и щётка. И вести себя соответственно трубочисту. По прибытию неукоснительно выполнять волю своей невесты. Будьте послушны и надейтесь на самое доброе к вам отношение! Ваша Пастушка!»

- Дура! - гневно вырвалось у Герцога. - Кого ты зовёшь? Кого? Он же тебя на куски покрошит!... Ну и пусть покрошит! Мне-то худо не будет.. - но это были лишь слова. Одна мысль, что ей могут причинить боль, была для него невыносима. В памяти всколыхнулся мимолётный взгляд этой Катерины. Всколыхнулся, и принёс с собой непонятное волнение. А следом где-то в душе явился вопрос: «А если...?»

- Нет! Нет! Нельзя, нельзя. Она жениха ждёт! - несколько раз повторил Герцог и сам же разозлился на себя за глупые рассуждения. - Да какой он жених?! Избави Бог от такого.

- Бегут уже, миленькие!

Герцог аж подпрыгнул на печи от неожиданности. Блюдце слетело с живота и полетело вниз. Казарка с завидным проворством успела его подхватить. Герцог не сразу сообразил, о ком шла речь. А когда сообразил, закричал:

- Гони их в шею. И денег дай!

- За что? - удивилась Казарка.

- Мне баньку и рубаху чистую! - весело добавил Герцог.

- Нешто помирать собрался? - Казарка замерла с глазами полными ужаса.

- И в подполе своём порядок наведи. Как отсюда пойдешь, так и наведи.

- Зачем?

- Мне скарб нужен. Ну, тот...что Коломедники приносили намедни.

- Так они двух Дымоходных раздели!

- Вот и принеси. Посмотреть надо.

- Баньку, рубаху, тряпье Дымоходных... Чего ещё?
- Щётку сходи купи. Наподобие той, что Дымоходные с собой носят!
- А зачем покупать?! Она с одеждой лежит.
- Ну, тогда и её неси!
- А с девками чего? Правда, гнать?
- Гони! И деда позови!
- Так он вроде по твоим делам к Аньке собрался.
- Сначала ко мне!

Отправив Казарку, Герцог слетел с печи и, как был нагишом, заметался по избе. Всё его существо охватил азарт. Он уже знал, куда пойдёт этой ночью. Да и как не пойти, если сами в дом приглашают?! Жених-то небось до сих пор в Клоповнике сидит. Оттуда так скоро не отпустят. Разве только на следующий день. А если и отпустили, так он письма не успел прочитать. Всё указывало на успех задуманного дела. «Поеду, верну ей ожерелье, расскажу о женихе, и все дела. Ни, ни, пальцем не трону...» - думал он, успокаивая свою совесть.

- Знаешь дом Белозёровых? - спросил он у деда, когда тот появился.

- А кто же не знает? - удивился дед.

- Покажешь где. Вечером, чтоб никуда не пропадал. Проводишь меня, а потом хоть до утра гуляй. Смекнул?

- Чего ж не смекнуть?!

Ещё через час Герцог лежал на полке в баньке, а Казарка вдоль и поперёк охаживала его веничком. Расслабленность помогла сосредоточиться. Вся голова была забита мыслями о сегодняшней ночи. Ничто и никогда не притягивало так сильно как та Мадамка, у которой он стянул ожерелье. Герцог опасался, что не сумеет сдержаться, оказавшись с ней рядом.